

Эта книга предназначена только для предварительного ознакомления и не несёт в себе никакой материальной выгоды. Любое копирование и размещение материала без указания группы и людей, которые работали над книгой, **ЗАПРЕЩЕНО!** Давайте уважать и ценить чужой труд!

Вероника Дэй
СВОДНЫЙ БРАТ — ПЛОХИШ

Оригинальное название: Stepbrother Bad Boy by Veronica Daye

*Переводчики: Полина Татаренкова,
Наташа Еловикова (главы 1-10)*

Редактор: Лена Петухова

*Вычитка: Катерина Матвиенко, Ольга Расторгуева
Обложкой занималась Изабелла Мацевич.*

Переведено специально для группы <http://vk.com/translation4you>.

Аннотация

«Он воплощал собой предел моих мечтаний, но я не могла его заполучить».

В старших классах Шейн Вентана был самым лучшим. То есть популярным, загадочным красавчиком, плохим парнем до мозга костей. Ей-богу, у девчонок взмокали трусики, стоило ему просто поднять бровь. Правда, не могу сказать, что его член или брови поднимались где-то неподалёку. Ведь Шейн даже не подозревал о моём существовании.

Но — вот те раз! — случилось немыслимое, и пока я днями напролёт преследовала Шейна в коридорах школы, мой папа тайно женился на его маме. И знаете, что самое скверное? Шейн стал отыгрываться за это на мне. Хуже и быть не может, верно?

А вот и нет! Я в него втрескалась. В смысле, ну вот же он, парень моей мечты, в соседней комнате. Я ничего не могла с собою поделать. Ну вот кто влюбляется в своего сводного брата? А, ничего не говорите.

Просто поверьте, всё было прекрасно. То есть прекрасно, пока он не уехал. Но жизни нравится устраивать мне подлянки, и только я начала думать, что с ним всё кончено, как услышала слова, от которых моё сердце забилося снова — Шейн возвращается.

Часть I
Дьявол, которого ты знаешь

— Розали! Эй, Розали ДеЛео!

Услышав своё имя, я выглянула из-за открытой дверцы шкафчика. Крепко прижимая книги к груди и с широкой улыбкой на лице ко мне быстрым шагом приближалась моя лучшая подруга Ноэль. Она была обладательницей густых рыжих кудрей и веснушек, а ещё от неё всегда пахло жвачкой, которую она постоянно жевала.

— Ты видела его сегодня? — спросила она.

— Кого?

— Ты знаешь, *о ком* я, — округлив глаза, ответила она.

Я и правда знала, кого она имела в виду, но иногда мне нравилось притворяться, что не имею ни малейшего понятия. Да и последнее, чего бы я хотела, — это признаться кому-либо, что мои мысли постоянно крутятся вокруг него. Подруга прислонилась к шкафчику, а я в это время быстро схватила книги, которые требовались для следующего урока.

— Да, я видела его утром после классного часа. И что? — поинтересовалась я.

— Просто сегодня он выглядит так чертовски привлекательно, — обмахиваясь, протянула Ноэль. — Кстати, по-моему, я видела у него новую тату.

Его звали Шейн Вентана. Он перешёл в нашу старшую школу в прошлом году, и все считали его классным парнем. У Шейна были непослушные тёмно-русые волосы, спадающие ему на лоб, и пронзительные зелёные глаза. Он был татуированным, загадочным, преуспевающим в учёбе парнем, а по совместительству и капитаном команды по баскетболу. Шейн совмещал в себе множество качеств, и не было никого подобного ему. А ещё, как и большинство учеников в школе, он даже не подозревал о моём существовании.

— Он хочет полностью забить себе одну руку и сейчас работает над этим, — сказала я. — Сделай я тату, мои родители меня бы убили. Это к тому, что если ему ещё нет восемнадцати, разве ему не нужно их разрешение?

— Серьёзно? И это всё, о чём ты думаешь? Неудивительно, что ты по-прежнему девственница. Кстати, как считаешь, у него есть татухи, которые нам *не видны*? — рассуждала она, щёлкая жвачкой и многозначительно приподнимая брови. — Понимаешь, что я имею в виду?

— Все знают, что ты имеешь в виду, Ноэль. И я не девственница. Тебе это известно.

— Я в курсе, что какое-то время ты встречалась с Беном Миллером, и у вас был секс, но уверена, что он не довёл тебя до оргазма. Поэтому в моём понимании ты всё ещё остаёшься девственницей.

— Заткнись, — со смехом ответила я.

Отведя взгляд в сторону, я заметила, что к нам приближается Шейн. Я кашлянула и округлила глаза, давая подруге понять, что он направляется в нашу сторону.

Ноэль спокойно прислонилась к шкафчику, а я же старательно пыталась не смотреть на него. Парень был одет в тёмные джинсы с пристёгнутой к поясу цепью и облегающую тёмно-синюю футболку. Проходя мимо группы ребят, он поднял свою мускулистую руку, и те поочерёдно приветственно хлопнули его по ладони.

Прекрати смотреть, Розали! Сейчас же отвернись. Он не слепой и увидит, что ты на него пялишься. Подождите... Он смотрит на меня? Что мне делать?!

Я не могла отвести от него глаз. Шейн был достаточно близко, поэтому мне удалось разглядеть щетину и ямочку на подбородке. Его зелёные глаза не просто смотрели на меня, а заглядывали в самую душу.

Моё сердце колотилось так громко, что я была уверена, это слышат все вокруг. Но Шейн не отвернулся, продолжая неотрывно смотреть на меня. Жар растёкся по коже, поднимаясь к щекам. Он смотрел на меня так, словно представлял, как я выгляжу без одежды.

Успокойся, Розали, ты не голая. Вот чёрт, и почему я должна носить эту дурацкую рубашку? Голой было бы куда лучше.

— Как жизнь? — спросил он, коротко кивая и проходя мимо.

Обморок.

Удивляясь, что нашла в себе силы стоять, я быстро глянула в зеркало в моём шкафчике. Подводка не размазана, светло-русые волосы ещё не утратили объём, а в глаза бросается уродливая жёлто-чёрная рубашка, которую я так и не успела занести в прачечную. *Да это просто дикая удача, что именно в тот момент, когда он меня заметил, я выгляжу, как идиотка.*

— Нихрена себе, — воскликнула Ноэль. — Ты просто обязана с ним поговорить.

— Что? Нееет, — запротестовала я, хлопнув дверцей шкафчика, чтобы его закрыть.

— Он наверняка меня с кем-то перепутал.

— Пошли на сегодняшнюю игру. Может, он снова с тобой заговорит.

— Сегодня я не могу — ужинаю с папой и Джоанной.

— Твоей мачехой?

— Да, то есть, нет, они не женаты. Не думаю, что мой отец когда-нибудь снова женится, — ответила я. — Просто они всегда будут вместе.

Прозвенел звонок, и мы с Ноэль пошли в разные стороны к своим классам. Как только подруга скрылась из виду, я побежала вниз по лестнице, чтобы взглянуть через застеклённые двери на крыльцо для курения, где, как мне было известно, будет Шейн.

До звонка оставалось совсем немного времени, но меня это не заботило. Я должна была увидеть его снова. Мне не верилось, что он со мной заговорил. И наплевать, что это были всего лишь два слова, важен сам факт. Он знает, что я существую.

Шейн сидел на одном из цементных выступов, окружающих крыльцо. Его сигарета была зажата между губами. Он прикрывал её руками, чтобы ветер не мешал ему закурить.

Если бы Ноэль знала, что я пришла сюда, то заставила бы меня с ним поговорить, но это было выше моих сил. Мне просто хотелось последний раз взглянуть на него перед моим последним уроком и выходными. Как только он выпустил струйку дыма из лёгких, вокруг него собрались несколько болельщиц. Шейн наклонился к высокой рыжей девушке, стоящей рядом с ним, и поцеловал её. Он не встречался с какой-то одной девушкой — их у него было много. И я ненавидела каждую из них. Ладно, может, говоря о ненависти, я немного преувеличивала, но я определённо им завидовала.

Я не могла и предположить, что такой, как он, поздоровается со мной. В школе я была невидимкой. Не носила дизайнерскую одежду, и моя фигура была далека от идеала. Я была совершенно не той девушкой, на которую мог бы обратить внимание Шейн Вентана.

Наверное, я всего лишь одна из тех, кто за ним бежит, подумала я.

Направляясь вверх по лестнице обратно в класс, я пообещала себе, что больше не буду на нём заикливаться. Но, даже несмотря на эту клятву, прекрасно понимала, что это невозможно.

Как только отец мне посигналил, я выбежала из своей спальни и спустилась по лестнице к входной двери. Мне никогда не нравилось находиться дома, и казалось, чем старше я становилась, тем сильнее моя мать и отчим старались сделать мою жизнь в этом доме невыносимой. Особенно отчим.

Мои родители развелись, когда мне было пять. Отец был убит горем. Он просил меня передавать матери стихи и музыку, но та не хотела иметь с ним ничего общего. К тому времени она уже нашла себе другого, и вскоре после этого отец переехал, а его место занял отчим Джим. Всё это приводило меня в состояние крайнего замешательства.

Я любила отца, и в моей памяти осталось много моментов из детства, когда мы проводили вместе много времени. Но после того как родители развелись, мы с ним практически не виделись. Отцу было запрещено звонить, а мать говорила о нём столько плохого, что я не знала, чему верить. Мы не общались вплоть до прошлого года, а затем постепенно начали проводить время вместе, пусть и не так много, как хотелось бы.

— Куда ты собираешься? — рявкнул Джим, когда я направилась к двери.

— На ужин с папой.

— Ты не имеешь права куда-то уходить без моего разрешения.

— Я сказала маме, — ответила я, открыв дверь и помахав отцу.

— Она должна была поставить меня в известность.

Вот и обсуди это с ней, подумала я. Мне хотелось сказать это вслух, но я не рискнула.

— Увидимся позже, — бросила ему, выходя из дома.

— А где мой поцелуй?

Боже, как же я это ненавижу!

Я шагнула обратно в дом, и он наклонился ко мне. Я быстро поцеловала его в щёку так, чтобы мои губы едва коснулись грубой кожи.

— Это не считается, — отрезал Джим. — Давай ещё раз.

Сдержавшись, я поджала губы и быстро поцеловала его в щёку, убедившись, что мои губы всё же коснулись его кожи, пусть это и было всего на секунду. И теперь, затаив дыхание, я ожидала вердикта отчима.

— Так-то лучше, — удовлетворённо сказал он. — Поскольку ты собираешься только на ужин, жду тебя дома через пару часов.

— Но я собираюсь встретиться с папой, — возразила я.

— Для ужина двух часов вполне достаточно, и неважно, с кем.

Я закрыла за собой дверь и вдохнула холодный вечерний воздух. Во всём теле ощущалось напряжение, как и всегда после разговора с Джимом. Когда я села в машину отца, он кивнул в сторону дома.

— Всё хорошо? — поинтересовался он.

Проследив за его взглядом, я увидела стоящего в дверях отчима. Свет, льющийся с крыльца, падал на его лысую голову, и я представила, как с размаху врезала бы по ней битой. Улыбнувшись этой мысли, я повернулась к отцу.

— Всё в порядке, — ответила ему, махнув рукой в сторону Джима.

Промолчав, отец поехал вниз по улице, и я наконец-то почувствовала себя более спокойно. Напряжённое тело расслабилось, я вздохнула с облегчением.

— Где Джоанна? — спросила я. — Я думала, мы поужинаем втроём.

— Нас будет четверо. Она поехала к бывшему, чтобы забрать своего сына. Мы встретимся в ресторане.

— Сына? Не думала, что у неё есть дети. Сколько ему лет?

— Не знаю. Он примерно твоего возраста. Джоанна мало о нём рассказывала. Знаю лишь, что он живёт со своим отцом.

— Это немного странно, — заметила я.

— Да, сама ситуация была достаточно странной. Ты тогда была маленькая, и сейчас, наверное, уже и не помнишь моего друга Райана, ведь так? — спросил он. — Это было после того, как мы с твоей мамой...

Развелись. Он никогда не мог произнести это слово.

Я задумалась, пытаюсь вспомнить какого-нибудь друга моего отца, но на ум никто не приходил. Вспоминать что-либо для меня было подобно лотереи. Что-то я помнила так, словно оно произошло только вчера, а что-то совсем не сохранялось в моей памяти.

— Да, не помню.

— Мы с Райаном вместе преподавали в средней школе. И были по-настоящему хорошими друзьями, но потом с ним что-то случилось. Он стал пропадать на несколько дней, а его жена, Джоанна, звонила мне и в слезах спрашивала, не слышал ли я о нём хоть что-нибудь. Как стало известно позже, он употреблял наркотики. В конечном итоге, Райан предпочёл ей свою зависимость, и они развелись. Она была очень расстроена. Однако, я думаю, отчасти это делало нас похожими.

— Но как Райан получил опеку, если был наркоманом?

Отец пожал плечами.

— Не знаю. Меня это не касается.

Как только мы вошли в ресторан, нас с отцом сразу же усадили за столик. Подумав, что Джоанна захочет сидеть рядом с ним, я заняла место напротив. Отец то и дело поглядывал на часы и спустя пятнадцать минут уже начал волноваться. Однако, когда он вытянул шею, чтобы посмотреть в сторону стойки администратора, его лицо неожиданно озарила улыбка, и, встав, папа помахал Джоанне.

Я аккуратно сложила салфетку и кинула взгляд в сторону двери. Тут следом за Джоанной в помещение вошёл Шейн и не спеша направился в нашу сторону. Моё сердце подскочило в груди, словно у мультяшного персонажа.

Шейн — её сын?!

Женщина поцеловала моего отца в щёку и поприветствовала меня милой улыбкой. Как и всегда, выглядела она идеально. Её густые тёмные волосы были убраны в причёску, что выгодно подчёркивала высокие скулы и загорелую кожу. Когда Джоанна села, она вытянула ухоженную руку, вешая дорогую сумку на спинку стула.

Шейн выдвинул стул из-за стола и сел рядом со мной. Он ничего не сказал и даже не смотрел в нашу сторону. Несмотря на то, что его стул находился рядом, похоже, сам он мысленно пребывал в другом месте.

— Я рада, что ты смогла к нам присоединиться, Розали. Всегда приятно видеть тебя, — поприветствовала меня Джоанна.

— Мне тоже приятно с вами встретиться, — ответила я.

Мне нравилась Джоанна. Она никогда не говорила ничего плохого, и, казалось, ей было вполне по силам сделать моего отца счастливым.

— Розали, это мой сын Шейн, — представила она, делая паузу и ожидая его ответа. На один короткий миг на её лице отразилось раздражение. — Шейн! Не стоит так себя вести со мной, — коротко сказала Джоанна.

Я подпрыгнула от её тона, но, похоже, за этим столом только для меня он стал неожиданностью. Несмотря на то, что мы с Джоанной знакомы уже много лет, сразу возникло чувство, что я совершенно ничего о ней не знаю.

Шейн вытянул ноги и откинулся назад. Он потёр щёку, когда осмотрел ресторан. Я ждала, что парень повернётся ко мне и обратит на меня внимание, чтобы я могла его поприветствовать, но стало ясно, что ему наплевать.

Джоанна на секунду закрыла глаза и глубоко вдохнула. Когда она их открыла, на её лице появилась спокойная улыбка.

— Розали, надеюсь, твой отец не испортил сюрприз, ведь мы попросили вас собраться сегодня здесь, так как хотели рассказать, что поженились.

— Мы уже давненько это обсуждали, но всё же решили не делать из этого большое

событие, так как и у Джоанны, и у меня это не первый брак, — продолжил отец. — Ты ведь знаешь, я ненавижу свадьбы. Поэтому мы просто пошли в здание городского совета и расписались.

Человек, в которого я страстно влюблена, теперь является моим сводным братом? Мне страшно везёт.

Я сделала глоток воды и поперхнулась. Когда я зашла кашлем, Шейн постучал меня по спине. Это было совершенно не тем вниманием, которого я бы от него хотела. Должно быть, в прошлой жизни я страшно согрешила.

— И ты не могла сказать мне это по телефону? — Шейн насмешливо посмотрел на мать. — Из-за тебя я пропустил игру. — Он достал мобильник и посмотрел время. — У меня были лучшие места.

Встав из-за стола, он набрал какой-то номер и поднёс телефон к уху. Джоанна схватила его за руку, но он отмахнулся от неё и направился к двери. Со смешанным выражением печали и смущения его мать побежала за ним.

— Поздравляю, пап, — сказала я, пытаюсь сделать вид, что ничего не произошло.

— Уверен, ты удивлена. Мы с Джоанной вместе уже много лет. И я подумал, что было бы замечательно, если бы вы с Шейном стали нашими свидетелями, но Джоанна не хотела ждать. — Он посмотрел в сторону входа и нахмурился. — Извини за его поведение. Я видел Шейна всего несколько раз, но Джоанна говорит, что он постоянно попадает в большие неприятности.

— Какого рода неприятности? — поинтересовалась я, желая узнать об этом парне побольше.

— Я не знаю подробностей. Уверен, это просто обычные проблемы плохого парня. Его внешность и гонор не говорят ни о чём хорошем. В моей школе я постоянно вижу парней подобных ему.

Подобных Шейну? Должно быть, я учусь в какой-то неправильной школе.

Джоанна вернулась за стол одна, на её лице застыла натянутая улыбка. Когда она садилась, папа выдвинул для неё стул, но она отмахнулась от него.

— Извините, — сказала она. — За Шейном заехал его друг, но он присоединится к нам в воскресенье.

— Воскресенье? — переспросила я.

— Прости, я совсем забыл сказать, — ответил папа. — Мы выбираем себе дом. И надеялись, что вы с Шейном съездите с нами и скажете своё мнение. Ты не против?

Я кивнула в ответ, но могла думать лишь о том, что через несколько дней снова увижу Шейна.

Большую часть утра воскресенья я провела, примеряя различные вещи, и в конце концов пришла к выводу, что ненавижу свою одежду. Мне было просто необходимо что-то идеальное, чтобы выглядеть перед Шейном достойно. И меня совсем не беспокоило, насколько забавно это могло выглядеть со стороны, как не волновал и тот факт, что наши родители теперь являются мужем и женой. Я могла думать лишь о том, что проведу время с Шейном Вентаной за пределами школы.

Перемерив всё, что нашлось в моём шкафу, по два раза, я остановилась на джинсах, в которых моя задница смотрелась достаточно неплохо, и синем свитере. Временами я думала о других девчонках из школы, которые выглядели шикарно независимо от того, что на них было надето. Иногда я завидовала им и размышляла о том, что Шейн встречался с большинством из этих девушек — сейчас как раз был один из таких периодов. Я была совсем на них не похожа.

Когда я закончила причёсываться, у меня запищал телефон. Звонила Ноэль. Прежде чем ответить, я пару секунд смотрела на её имя, высветившееся на дисплее, раздумывая, стоит ли мне брать трубку.

— Привет, Ноэль, — всё же сказала я, принимая вызов.

— Привет, о тебе ничего не было слышно все выходные. Не хочешь встретиться?

Чёрт возьми! Как чувствовала, что не надо отвечать.

— Не могу, мой отец должен приехать с минуты на минуту. Он и Джоанна покупают дом, и сегодня они хотят показать его нам.

— Нам? — переспросила Ноэль.

Дерьмо! Я не умею хранить тайны!

— Э-э, да, нам. У Джоанны есть сын.

— Офигеть! Ты знала такие интересные подробности и молчала?

— Ну, я не думала, что это так важно.

— Как скажешь, Розали. Только я слишком хорошо тебя знаю, и раз ты так говоришь, значит это действительно важно. Так что выкладывай.

— Хорошо, чёрт побери. Иногда ты бываешь такой стервой, — шутливо отозвалась я. — Мой отец и Джоанна вступили в брак и сейчас покупают себе дом. Вот и всё.

— Мм-м, ты точно что-то упускаешь, — задумчиво произнесла она. — Расскажи мне о сыне Джоанны. Они уже давно живут вместе, так что он не ребёнок. Он сексуальный? Поэтому ты молчала?

Чёрт! Как мне от этого отвертеться? Я не могу ей лгать.

Когда моя голова уже пошла кругом от её вопросов, перед домом остановилась серебристая «тойота» моего отца. Раз я не могла врать Ноэль, то с лёгким сердцем решила отложить этот разговор до лучших времён.

— Позвоню тебе позже, — прервала её я. — Папа только что приехал.

— Не вешай трубку, — возмутилась она. — Ты должна мне рассказать! — Я закончила разговор и, уже сбегаая по лестнице вниз, на ходу сунула мобильник в карман.

Бросив взгляд в сторону гостиной, я порадовалась тому, что там никого не было. Моя мама знала о нашей с отцом встрече, и это единственное, что сейчас имело для меня значение. С Джимом мне не хотелось иметь дела.

Открыв дверь машины, я поняла, что внутри, как ни странно, находятся только двое: мой отец и Джоанна. Моё сердце слегка сжалось, когда я скользнула на заднее сиденье.

— Этот свитер очень тебе идёт, — заметила Джоанна, когда я села и пристегнулась ремнём безопасности.

— Спасибо. А где находится дом?

— Вот здесь, — указал отец, когда машина свернула за угол.

— Серьёзно?

— Это хороший район, и я надеялся, что, если мы будем жить ближе, то сможем

видеться чаще, — объяснил он.

Он подъехал к белому в несколько этажей дому. Внутри за стеклянной парадной дверью стояла светловолосая женщина с короткой стрижкой, одетая в деловой костюм. Когда мы направились по дорожке в сторону дома, она открыла дверь, улыбнулась и помахала нам.

— Не хочу вам мешать, поэтому пока побуду в машине, — сообщила хозяйка. — Пожалуйста, осматривайтесь не спеша. Я знаю, что покупка дома — это очень серьёзное решение.

Пока мы изучали дом, отец успел рассказать обо всём, что планировал тут сделать. Я вполуха слушала его размышления о замене плитки в ванной и шкафов на кухне, но так и не смогла полностью сосредоточиться на разговоре. Единственное, что мне хотелось бы знать — где же сейчас Шейн.

— Ну же, — позвала Джоанна. — Идём, я покажу тебе спальни.

Я направились за ней вверх по лестнице, и она остановилась около первой двери слева.

— Это твоя комната, — сказал отец. — В ней даже есть собственная ванная.

— *Моя* комната?

— Это на случай, если ты захочешь переехать или просто остаться на ночь, — ответил он. — Ты же знаешь, я всегда оставлял одну спальню для тебя.

Я шагнула в светлую комнату с деревянными полами и окинула взглядом просторное помещение. Я понятия не имела, что сказать, и нужно ли вообще что-то говорить. Мне никогда не приходило в голову, какой была бы моя жизнь, живи я с отцом.

— Спасибо, но...

— Так что, у принцессы будет своя комната? А что насчёт меня? — Эхом отразился от стен глубокий голос Шейна. Когда он появился в дверном проёме, моё сердце мгновенно забилось чаще.

— Я не думала, что ты придёшь, — протянула Джоанна. — Для тебя комната тоже есть. Если ты этого хочешь, конечно.

Стуча каблуками, она направились по коридору к следующей спальне. Однако сын не пошёл за ней, оставшись стоять на месте и держа руки в карманах.

Его глаза сузились, когда он посмотрел в сторону матери, стоящей в коридоре напротив двери в соседнюю комнату.

— Будь честной, мам, — сказал он. — Когда меня нет рядом, ты счастливее.

Шейн развернулся на каблуках и направился к лестнице. Хотя я уже и не могла его видеть, но всё ещё слышала звук быстро затихающих внизу шагов. Несколько секунд спустя с силой хлопнула входная дверь, и от этого звука я непроизвольно вздрогнула.

Вместе с отцом мы вышли в коридор. Джоанна вытерла навернувшиеся слёзы, а затем молча исчезла в направлении одной из комнат. Недолго думая, отец направился за ней. А я поспешила спуститься по ступеням вслед за Шейном.

Он ходил туда-сюда по дорожке перед домом и курил. Но не поднял на меня глаз, пока я шла к нему. Я даже не была уверена, знал ли он о моём присутствии или просто хотел побыть один и потому игнорировал меня. Сложно сказать, но что-то в нём меня привлекало.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Она послала тебя сюда? Нет, подожди, дай угадаю, это не она.

— Послушай, я не понимаю, почему ты так себя ведёшь. Я видела тебя в школе и...

— И что? Я не должен так себя вести, ты это хочешь сказать? Думаешь, что знаешь обо мне всё, потому что видела меня в школе? Ты нихрена обо мне не знаешь. Ты даже не помнишь меня, не так ли?

Помню ли я тебя? Ты всё, о чём я могу думать.

Но у меня не хватило смелости произнести это вслух. Я просто стояла там, путаясь в собственных мыслях, задетая его словами. Потом сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но прежде чем успела сказать ещё что-то глупое, он взял другую сигарету.

— Не понимаешь, о чём я, да? — прорычал он.

— Конечно же, я тебя помню. На днях ты спросил: «Как жизнь?» А ещё ты перешёл в нашу школу в прошлом году.

С издёвкой посмотрев на меня, он бросил сигарету на землю и раздавил её ботинком.

— Я не удивлён. Моя собственная мать меня почти не помнит. И более чем уверен, она не была в восторге, когда мы с отцом вернулись в город.

Слегка склонив голову, Шейн подошёл ближе. Взгляд его зелёных глаз метнулся к дому за моей спиной.

— Увидимся завтра, — протянул он. — И в дальнейшем постарайся не быть такой заметной, когда шпионишь за мной.

Мои глаза расширились от удивления, а щёки начали гореть, в то время как он развернулся и пошёл прочь. Всё это время я думала, что была осторожной, думала, что была для него невидимой, и он никогда меня не замечал. Однако теперь я задавалась вопросом, когда же он успел поймать меня, и как долго это продолжалось.

Когда он садился в свою машину, я хотела что-то сказать в своё оправдание. Мне следовало защититься и придумать что-нибудь, чтобы доказать, что он неправ, но мои ноги словно приросли к земле.

Когда я достала из сумки косметику, на дорожку, ведущую к дому, заехала зелёная «шевроле-купе» Ноэль. У меня никак не получалось собраться вовремя, когда подруга заезжала за мной по пути в школу, и не имело значения, как рано я вставала, — результат был одним и тем же.

— Я должна злиться на тебя за то, что ты мне вчера не перезвонила, — заметила Ноэль.

— У тебя никогда это не получалось, ведь ты любишь меня, помнишь? — Я улыбнулась ей, касаясь заливающихся краской щёк. — Я что, покраснела?

— Нет, разве что слева. Серьёзно, Розали, я умираю от любопытства, мне не терпится узнать, что же случилось. Если бы вчера не пришли мои двоюродные сёстры, я бы приставала к тебе до тех пор, пока бы ты не раскололась.

— Знаю, знаю, — ответила я. — Извини. Думаю, я просто слегка потрясена случившимся. Как ты знаешь, в пятницу я ходила на ужин с папой и Джоанной. Ну так вот, она пришла со своим сыном, и им оказался Шейн.

— Да ну! Ничего себе! Шейн, наш Шейн, которого ты преследуешь?

— Единственный и неповторимый.

— Чёрт. Подожди, ты говорила, они поженились? Это значит, что Шейн теперь твой брат? Ну нифига себе!

— Точно! Теперь ты понимаешь, почему я была настолько выбита из колеи? Прямо подфартило, правда?

— Подожди, так значит, я могу с ним встречаться? В смысле, раз ты не можешь, то нет ничего, что бы меня останавливало. Ты ведь знаешь, это как кодекс дружбы или что-то типа того.

— Ну ты и стерва, — рассмеялась я. — Нет, кодекс дружбы остаётся в силе, да и я всё ещё люблю его, так что вы не можете встречаться. Тем более, мы не росли с ним вместе. Просто он стал моим сводным братом, и всё.

— Как скажешь, но, ох, как же ты ужасна!

Она засмеялась, когда мы въехали на школьную парковку, и сбавила скорость, выискивая машину Шейна. У нас уже вошло в привычку делать это каждое утро.

Мы с Ноэль разошлись убрать вещи в шкафчики. Когда я запихнула свой рюкзак подальше на полку, рядом остановился Сет ДеМарко, чтобы открыть свой шкафчик, находившийся рядом с моим.

Мы с Сетом учились в одном классе в течение многих лет, так как наши фамилии начинались одинаково. Некоторые ребята смеялись над ним, потому что Сет был полным и носил очки с толстыми стёклами, но я всегда считала его хорошим парнем и одним из своих друзей.

— Эй, Розали, — позвал меня Сет. — Можешь сделать мне одолжение?

Парень посмотрел вниз, затем оглянулся в сторону двери. Я обернулась, выискивая взглядом, на кого он смотрит, но вокруг никого не было.

— Конечно, в чём дело? — поинтересовалась я.

— Ничего такого, на самом деле. Я не собираюсь идти в класс и не смогу потом вернуться к своему шкафчику, поэтому я подумал, что ты могла бы сделать мне небольшое одолжение. Ты не против, если я оставлю свой футляр для очков у тебя?

Сет добрался до верхней полки своего шкафчика и достал большой жёсткий футляр. То, как он держал его в руках, напомнило мне об одном моменте из фильма «Звёздный путь», который я очень давно смотрела с папой по телевизору.

— Без проблем, давай, — согласилась я. — Ты хочешь потом где-нибудь встретиться, чтобы я смогла его тебе вернуть?

— Не беспокойся об этом, я сам найду тебя, когда он мне понадобится. — Сет поправил на носу очки в проволочной оправе, оглянувшись на дверь в столовую. —

Спасибо. Ох, чуть не забыл. Не заглядывай внутрь.

Я в недоумении держала в руках футляр для очков, в то время как он, отвернувшись, пошёл прочь. Посмотрев на вручённый мне предмет ещё раз, я подумала, что он кажется немного тяжеловатым как для пустого, но потом, не раздумывая, засунула его на верхнюю полку собственного шкафчика. Прозвенел предупредительный звонок, и я захлопнула дверцу, поспешив в класс, чтобы успеть добраться туда вовремя.

Прошло два урока, а я всё никак не могла перестать думать о футляре Сета, находившемся сейчас в моём шкафчике. *Почему мне не следует заглядывать внутрь?* Не скажи он мне об этом, мне бы и в голову не пришло открыть его.

Третьим уроком у меня была самоподготовка, и я вернулась к шкафчику, чтобы закинуть учебники. Футляр для очков всё ещё лежал там, насмешливо уставившись на меня гладкой поверхностью, словно умоляя открыть его. Я так больше не могла. Возможно, Сет только проверял меня, но я просто обязана была заглянуть внутрь.

Подождав, когда прозвенит звонок, я удостоверилась, что осталась одна. Потом вытащила футляр, и он показался мне ощутимо тяжелее, чем раньше. *В нём точно что-то есть, но что? Ещё одни очки?*

Чёрный футляр заскрипел, когда я медленно открыла крышку. Запах табака ударил в ноздри, и я тут же отвернулась. Табака в мешочке было достаточно, чтобы заполнить весь футляр. Я почему-то сразу же подумала о дедушке, который курил трубку, но, тем не менее, ситуацию это не прояснило. Зачем ДеМарко табак?

Я закрыла футляр, задвинув его обратно на верхнюю полку, и захлопнула шкафчик. Прислонившись к нему, я увидела Шейна, проходящего мимо столовой, и прежде чем успела понять, что делаю, пошла за ним в надежде, что он мне поможет.

— Шейн! Пстой, — крикнула я.

Он обернулся. На его лице явно отразилась смесь отвращения и недоумения.

— Ну неужели это всё должно быть именно так? Ты серьёзно думаешь, что если теперь ты моя *сестра*, то я буду с тобой разговаривать? Или, быть может, ты хочешь вступить в «клуб Шейна»? Бьюсь об заклад, ты всё ещё хранишь свою «карту девственности», которая, по твоему мнению, и послужит тебе пропуском в него. Но не переживай, хоть ты и не в моём вкусе, я буду иметь тебя в виду, когда потребуются люди для выполнения общественных работ.

— Я... Э-э... — Я не могла произнести ни слова. Кто бы мог подумать, что он такой козёл. *Почему он меня ненавидит?* — Не бери в голову, — сказала я.

Когда я развернулась на каблуках, собираясь уйти, то услышала, как он пробормотал что-то перед тем, как протянуть руку и схватить меня за локоть.

— Что ты хотела? — поинтересовался Шейн.

Он уставился на меня, но мне уже не хотелось ничего, кроме как забыть, что когда-то я была в него влюблена. Однако, несмотря на смешанные чувства и мысли, моё тело реагировало на его прикосновение к моей руке. Должно быть, я не здорова.

— Сказала же, не бери в голову. Ты явно не хочешь мне помогать, а я даже и не знаю, нужна ли мне твоя помощь. Я была растеряна, когда увидела тебя, и подумала, что, возможно, ты сможешь мне помочь. Откуда мне было знать, что ты такой мудака, — бросила я.

— К чему так много слов?

— Да не знаю я. Ты ведёшь себя как дурак, и я запуталась. А когда нервничаю, всегда начинаю много болтать и не могу остановиться. Понятия не имею, что это, а потому ничего не могу с этим поделать.

Руки Шейна обхватили моё лицо и притянули к себе. Его губы прижались к моим, и вся моя нервозность мгновенно куда-то улетучилась. Когда его язык жадно двигался у меня во рту, он ухватил меня за волосы, удерживая рядом.

Резко отстранившись, он внимательно посмотрел на меня своими пронзительными

зелёными глазами.

От его поцелуя у меня перехватило дыхание и закружилась голова. Его губы двигались, но я была не в силах разобрать ни слова, а желала лишь того, чтобы он снова меня поцеловал. Собрав мысли в кучу, я была вынуждена признать, что влияние Шейна на моё тело невероятно сильно. И глядя в его горящие глаза, я понимала, что он тоже это знает.

Держи себя в руках, Розали. Не веди себя как последняя неудачница, это был просто поцелуй.

— Что это было? — прохрипела я.

— Я должен был как-то тебя заткнуть, вот и подумал, что, если твои трусики станут мокрыми, ты перестанешь так нервничать.

— Какой же ты идиот. Когда я не знала тебя, ты нравился мне намного больше.

— Мне как бы плевать. Помнишь, ты зачем-то звала меня? Так чего ты хотела?

— Мой друг дал мне кое-что на хранение и велел мне это не открывать, — сказала я.

— И ты, конечно же, открыла, не так ли?

— Ну, естественно.

— Мне что, из тебя клещами всё вытягивать? О каком твоём друге идёт речь?

— Скорее всего, ты его не знаешь. Мы вместе учимся, и его шкафчик расположен рядом с моим. Он дал мне свой футляр для очков и сказал, что заберёт его позже.

— Боже, Розали, я не просил рассказывать настолько подробно. Просто скажи мне его имя.

— Сет ДеМарко.

— Сет? Этот жирный хрен в очках?

— Да, он толстый, но...

— Что у тебя с ним? Ты встречалась с этим мелким хером?

— Нет, мы просто друзья, и он дал мне...

— Где это?

— В моём шкафчике. Но я не думаю, что это что-то важное. Это просто его футляр для очков.

— Тссс, ты слишком много болтаешь.

Шейн снова схватил меня за руку и повёл к моему шкафчику. Когда мы дошли до него, парень осмотрелся, а затем дёрнул за болтающийся кодовый замок.

— Открой, — проворчал он.

Мои пальцы дрожали, когда я подбирала цифры. Мне всё ещё было трудно сосредоточиться. Я могла думать лишь о его поцелуе, тепле его губ, каким требовательным был его язык.

Я открыла шкафчик и достала футляр Сета. Шейн взял его, быстро оглянувшись по сторонам, затем жестом пригласил меня подойти ближе. Он, должно быть, знал, чего ожидать, а потому прикрыл содержимое, чтобы его не увидели те, кто мог находиться поблизости. Когда он открыл футляр, в воздухе повис сильный запах табака.

— *Твою же мать!* Я так и знал, что он этим занимается, — воскликнул Шейн.

— Занимается? Кому нужен табак? Не думаю, что достать сигареты несовершеннолетнему настолько тяжело. Да и к тому же, зачем кому-то рыхлый табак?

— Серьёзно? Ты настолько наивна? — Парень прищурил глаза и наморщил лоб, всматриваясь в моё лицо. Покачивая головой, он вздохнул. — Неудивительно, что ты принцесса. Принцесса Розали. Что это за имя вообще такое? Розали. Оно подходит тебе ровно в той мере, в коей ты отстала от жизни, подобно старым женщинам.

Я забрала футляр из его рук и захлопнула его. Шейну не нужно было говорить мне, что это не табак. По одной только его реакции я поняла, что это марихуана.

— Ну, извини, что не распознаю наркотики с первого взгляда, — бросила я. — И да, мне нравится моё имя. Меня называли в честь бабушки, с которой у меня связано множество воспоминаний. Благодаря имени я чувствую себя ближе к ней. Но, естественно, это не то,

что будет тебя хоть немного волновать.

Держа в руках футляр, я направилась в сторону мусорного ведра у входа в столовую. За спиной раздались тяжёлые шаги Шейна, а через мгновение я почувствовала прикосновение его руки к моему плечу.

— Прости, — произнёс он.

Я повернулась, готовая высказать всё, что о нём думаю, но выражение его лица убедило меня в его искренности.

— Я знаю, каково это — очень любить свою бабушку. И скучать по ней, — быстро добавил он.

— Ладно, как скажешь. Давай просто забудем об этом.

Его голова была опущена, и он просто кивнул. Я попыталась поймать его взгляд, но он даже не смотрел на меня. Узнав о его бабушке, я поняла, как мало мы знаем друг о друге, хотя и являемся сейчас родственниками.

Взглянув на часы, я поняла, что урок почти закончился. Мне необходимо было избавиться от наркотиков. Сет дал мне их не случайно, но я ни в коем случае не собиралась на это подписываться. Это могло разрушить все мои планы на поступление в колледж.

Когда я направилась в сторону столовой, Шейн, недолго думая, схватил меня за руку.

— Куда это ты собралась с этим? — поинтересовался он с серьёзным выражением лица.

— К мусорному баку. Я собираюсь выбросить это куда подальше.

— Ты с ума сошла? Нельзя так просто выбросить наркоту.

— Отчего бы? Хочешь ею воспользоваться?

— Да нет же, очевидно же, что её здесь быстро найдут. Держу пари, Сет услышал, что сегодня проводят обыск. Поэтому он и отдал футляр тебе, поскольку не хотел, чтобы его поймали.

— Тогда что мне с ним делать? Отнести в администрацию?

— Нет, тебе никто не поверит. А ты же хочешь в колледж, верно? С подобной записью вход туда будет закрыт. Отдай наркоту мне. Я обо всём позабочусь.

Когда он забрал у меня футляр, прозвенел звонок, и помещение наполнилось людьми. Один из его друзей, Уоррен, проходил мимо и поднял руку, чтобы поприветствовать Шейна.

— В «клубе» новенькая? — кивнув в мою сторону, спросил он.

— Не-е-е, парень, она никто, — произнёс Шейн.

Она никто. Ох!

Я всегда была никем, но это никогда не мешало мне и не беспокоило меня так сильно, как сейчас, когда я услышала эти слова от Шейна. Весь оставшийся день прошёл для меня как в тумане: я вспоминала его поцелуй и то, как он помог мне. Но у него была и другая сторона — та, которая вела себя по-свински. И порой мне хотелось ненавидеть его лишь потому, что он чересчур сильно ненавидит меня.

Направляясь на занятие, я избегала привычных маршрутов в класс. Мне не хотелось пересекаться с Шейном, только не после того, как он заявил, что я никто. Рядом с лестницей на застеклённой площадке, возле которой проходили мои занятия, собралась толпа людей. Позади всех, у стеклянных дверей, стояла Ноэль и быстро набирала сообщение на своём мобильном.

— Что происходит? — поспешила узнать я.

— Вот ты где! А я повсюду тебя разыскиваю. Ты слышала?

— Слышала что?

Когда четверо полицейских вошли в помещение, собравшиеся мгновенно затихли. Между стражами порядка в наручниках с бесстрастными лицами шли Сет и Шейн. Воцарилась тишина, нарушаемая только стуком ботинок Вентаны. А может, это очень громко билось моё сердце.

Когда они вышли из здания, люди вслед за ними двинулись к стеклянным дверям. Я

пробралась сквозь толпу и наблюдала, как полицейские толкнули голову Шейна вниз, когда тот забирался на заднее сиденье одного из автомобилей. Сета отправили на заднее сиденье другой полицейской машины.

Ни один из них не вернулся в школу. Четыре месяца спустя я перестала навещать папу с Джоанной. За это время никто из них ни разу не упомянул о Шейне, а я не знала, как подвести их к этому разговору. Никто ничего не сказал о нём даже в школе. С таким же успехом можно было предположить, что я его выдумала, словно его никогда и не существовало.

Оставшееся время в старшей школе я провела, высматривая его в коридорах. Это было меньше, что я могла сделать, чтобы сохранить память о нём. Это случилось из-за меня. Шейн исчез из-за меня. Может быть, он действительно не ненавидит меня.

Когда я получила письмо о зачислении в университет штата Аризона, то молча поблагодарила Шейна за его жертву, из-за которой мне не нужно было оставаться дома. Не то чтобы он знал о моей домашней жизни — нет, никто не знал. Никто не знал, с чем я имела дело. Мне нужно было покинуть свой дом, и учёба в колледже была для меня единственно верным решением.

Припарковав свою тёмно-синюю машину на обочине, я бросила взгляд на свой дом. На меня приветливо смотрели обшитые коричневой облицовкой стены и васильковые ставни, но я могла чувствовать один только ужас. Ощущали ли мои друзья то же самое, когда возвращались домой? Сомневаюсь.

В начале этого лета мой отчим потерял работу, и всё свободное время теперь проводил дома. Чтобы помочь семье, я начала работать в банке полный день. И эта работа стала единственным, что удерживало меня в здравом уме, пока я ждала начала следующего учебного года.

Я практически не виделась с Ноэль. Моя мать и отчим сделали всё, чтобы я никуда от них не делась, да и работа меня настолько выматывала, что я прекратила любые попытки это изменить. К счастью, подруга встретила нового парня и большую часть своего свободного времени проводила с ним. Временами мы разговаривали, но даже тогда я ни разу не упоминала о том, что происходит у меня дома. Не могла. Мне хотелось забыть всё это как страшный сон.

Когда я вошла в дом, ко мне мгновенно подскочил Джим, скалой возвышаясь над мной. Его лицо было суровым, а глаза полыхали гневом. Я не могла ничего поделать, инстинктивно почувствовав себя виноватой. Определённо, я что-то сделала не так, раз он настолько зол. Вопрос только в том, что именно.

— Где ключ? — строго потребовал отчим.

— Какой ключ? — уточнила я, действительно не понимая, о чём он.

— От замка, который ты установила на дверь, ведущую в твою спальню. Ты ведь знаешь, мне нужен к ней доступ.

— Нет, не нужен. Я плачу за еду и коммунальные услуги, даю деньги тебе и маме, когда они вам нужны. Я даже плачу по твоей кредитке. Мне восемнадцать, и я имею полное право на личное пространство.

Мои глаза наполнились слезами, и я побежала вверх по лестнице в свою комнату. Быстро захлопнув за собой дверь, я рухнула на пол. Я не могла это больше терпеть. Когда он начал приходить в мою спальню ночью, я чётко осознала, что просто обязана сделать что-то, чтобы защитить себя, поэтому и купила замок.

На полу рядом с моим столом стоял рюкзак, который я каждый день носила в школу. Я отказалась прятать его, поскольку это было то небольшое, что напоминало мне о былых временах, когда меня волновало лишь то, как бы Шейн не узнал, что я слежу за ним.

Шейн. От одной мысли о нём я почувствовала себя лучше. С тех пор как я видела его в последний раз, он несравнимо вырос в моих глазах. Едва зная меня, он не побоялся взять на себя вину за хранение наркотиков. По крайней мере, я знала эту историю именно такой. В том же, что когда-нибудь мне удастся выяснить правду, я искренне сомневалась.

На следующий день, когда я уходила на работу, мама позвала меня из кухни.

— Розали, можно тебя на минутку?

Я не могла ей отказать, хотя и так уже опаздывала. Когда я вошла на кухню, мама сидела за столом, помешивая свой привычный кофе с мёдом.

— Привет, мам, — сказала я. — У меня мало времени. Что-то случилось?

— Джим говорит, ты поставила замок на дверь спальни. Если ты так хочешь, то пожалуйста, но тебе придётся дать ему ключ.

— Зачем ему ключ от моей спальни?

Я с трудом сглотнула, когда пыталась произнести этот вопрос, чтобы понять, к чему ведёт мать. Попытка подойти к проблемной теме постепенно с треском провалилась.

— Джиму необходим доступ к твоей комнате. Вдруг что-нибудь случится? — Я уставилась на мать, не в силах понять, как она может не замечать очевидного.

— Нет, мам, — прошептала я, качая головой. — Это неправильно.

— Вечером Джим ждёт от тебя ключ.

Покинув дом, я сморгнула наворачнувшиеся на глаза слёзы и села за руль машины. Последние пару недель дома выдались очень тяжёлыми. Я чувствовала себя беззащитной. Постоянно была на грани слёз, и единственное, что заставляло меня держаться, — это приближающееся начало учёбы в колледже.

Рабочее время пролетело незаметно, и, не успев это осознать, я уже ехала домой. Во время обеда я зашла в интернет и посмотрела фотографии с кампуса УША¹, представляя себя там. Ожидание было в тягость.

Приехав домой, я выгребла из почтового ящика конверты и пролиставала их в поиске счетов, которые мне нужно оплатить за мать, или чего-либо ещё адресованного мне. К моему немалому удивлению, там был и тонкий конверт из аризонской приёмной комиссии. Не дожидаясь, я открыла его перед входом в дом.

Уважаемая Розали ДеЛео!

Благодарим за обращение в нашу приёмную комиссию с просьбой изменить Ваш студенческий статус. Как я уже говорил по телефону, учебный год скоро начнётся, и это нельзя изменить. Поэтому Ваше поступление отложено до следующего года, как Вы и просили.

*С уважением,
Скотт Овермейер
Глава приёмной комиссии.*

Какого ЧЁРТА?!

Я вбежала в дом, слёзы катились по моим щекам. Бросила почту на обеденный стол и вытащила из сумки мобильник. Сердито вытирая слёзы, я попыталась прочитать номер телефона, прописанный на листе бумаги, чтобы позвонить им.

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — пробормотала я.

С невозмутимым лицом из кухни вышла мать. Держа в руке неизменную кружку кофе, она вошла в столовую.

— Что-то случилось? — поинтересовалась она.

Нет, истерические рыдания доставляют мне редкостное удовольствие.

Я не могла ответить ей. А даже если бы и могла, то не собиралась говорить, что обо всём этом думаю. Я вручила ей письмо. Мать быстро пробежала по нему взглядом и пожала плечами.

— Я звонила им на прошлой неделе, — произнесла она. — Теперь, когда Джим потерял работу, у тебя появилось много новых обязанностей.

— Как ты могла?

Я опустила в кресло, не в силах сдерживать рыдания. Похоже, я конкретно завязла, пойманная в сети своего кошмара. Сердце болезненно защемило.

— Это была идея Джима. Он не хочет, чтобы ты куда-либо уезжала. Ты же знаешь, ему трудно найти что-то подходящее. К тому же, мне кажется, на последней работе над ним издевались. Это так позорно для человека, которому далеко за двадцать, — произнесла она перед тем, как сделать глоток кофе. — Его не приглашают на собеседования, а ты же не рассчитываешь, что я вернусь на работу? Если учёба в колледже так много значит для тебя, то я уверена, что твоё поступление в Ратгерский университет всё ещё в силе, а он всего лишь в десяти минутах езды. Ты сможешь жить дома.

Я бы предпочла умереть.

Я больше не желала разговаривать с матерью. Не могла даже смотреть на неё.

¹ УША (англ. ASU или Arizona State University) — сокращение от «Университет штата Аризона».

Схватив свои вещи, я направилась к лестнице. Сидевший неподалёку в гостиной отчим неотрывно смотрел телевизор.

— Ты не оставила мне ключ от своей комнаты, — бросил он.

Я не видела смысла отвечать. Я знала, что поплачусь за это позже, но, проигнорировав его, молча поднялась по лестнице. Мне хотелось побыть в одиночестве и поплакать.

Поднявшись на второй этаж, я поняла, что что-то изменилось. Обычно тёмный коридор сейчас наполнял свет. Ускорив шаг, я тут же увидела причину перемен.

Дверь моей комнаты была снята с петель. На мгновение мне показалось, что из меня выкачали весь воздух. Как и дверь, небрежно приставленная к стене, я была морально сломлена.

Мне всего лишь хотелось побыть одной. Мне нужно было немного пространства, чтобы просто запереть дверь и не беспокоиться о том, что кто-то зайдёт. Щёлкнув выключателем в ванной, я захлопнула дверь и взялась за ручку, чтобы запереть её. Но замок исчез.

— Так не должно быть, это неправильно, — прошептала я.

Слёзы высохли. В душе не осталось ничего кроме пустоты. Я словно оцепенела. Мне необходимо было понять, как выжить здесь, пока я не смогу выбраться отсюда.

Я вошла в комнату и задвинула дверь так, чтобы она закрывала хотя бы большую часть проёма. После осмотра комнаты мой желудок жалобно сжался. Некоторые вещи лежали не там, где я их оставила. Это было ещё одной из причин, почему я установила замок. Я устала от ощущения вторжения туда, где должна чувствовать себя наиболее надёжно и защищённо.

Спокойствие, Розали.

Глубоко вдохнув, я села на кровать в углу, попытавшись успокоиться так же, как делала это всякий раз, когда отчим бывал в моей комнате. Размеренно дыша, я положила сумку на кровать рядом с собой и опустила руку на живот в надежде взять себя в руки.

Но не тут-то было. Пока сидела, я заметила, что ящик для нижнего белья слегка приоткрыт. Нижнее белье — это единственное, на что я не жалела денег, и, заметив приоткрытый ящик, я вспомнила о своих любимых трусиках.

Они пропали около месяца назад. Из тёмно-фиолетового атласа с чёрным кружевом по бёдрам, они стоили слишком дорого для того, чтобы никто, кроме меня, не мог их видеть, но я просто обязана была их купить. А поскольку я всегда сама занималась стиркой своих вещей, то знала, что они не могли потеряться в корзине для белья. Было только одно место, где они могли бы находиться всё это время.

Озабоченный ублюдок!

Поднявшись с кровати, я замерла перед комодом, раздумывая, какой же пары лишилась на этот раз. Затаив дыхание, я открыла ящик. На самом верху лежали мои любимые трусики. Волшебным образом они снова оказались в ящике поверх всех вещей. Складывалось ощущение, что положили их вот так нарочно — чтобы я сразу же заметила.

Это стало последней каплей. Схватив трусики, я услышала, как по коридору идёт мать. В руках она несла пакеты из магазина «Мэйсис».

Подняв свои трусики, я попыталась обуздать гнев.

— Это ты сделала? — спросила её. — Ты положила их обратно в мой ящик?

— О, это те, что ты потеряла?

Не глядя в мою сторону, она направилась в свою комнату. Я последовала за ней. Мне надоело молча это терпеть. За всё это время я ни слова не сказала о её муже и о том, что он делал в моей комнате.

— Ты знаешь, я не теряла их, — произнесла я. — Это ты положила их обратно? Или он? Я не могла не заметить, что они чудесным образом снова оказались в моём ящике спустя два дня после того, как рассказала тебе, что они пропали. И буквально в этот же день моя дверь оказывается снятой с петель.

— Я уверена, что они были в твоём ящике всё это время. Ты всегда была не очень внимательной.

Сжав кулаки, я сдерживала желание ударить кого-нибудь. Я не жестокий человек, нет, но чаша моего терпения переполнилась, и я решилась.

— С меня хватит, мам. Довольно. Я больше не могу так жить.

— О чём ты говоришь? — поинтересовалась она со вздохом.

— У меня нет личного пространства. Я не могу встречаться с друзьями. Не могу говорить по телефону, чтобы он не подслушивал. Ты знаешь об этом — я говорила. Мне даже нельзя поставить замок на двери в свою комнату.

— Тебе известно почему. Джиму необходим доступ ко всем спальням в любое время дня и ночи. Что если начнётся пожар?

Я понимала, что огонь для неё весомый аргумент. Когда моя мама была ребёнком, квартира, в которой они жили, сгорела. У них было не так уж и много, но в этом огне они потеряли всё. Я понимала, зачем Джиму нужен постоянный доступ в мою спальню. А когда думала об этом и о том, как моя мать по обыкновению пропускает все мои слова мимо ушей и закрывает глаза на происходящее, я чувствовала себя ущербной.

— Я переезжаю, — заявила ей.

В ответ на мои слова она рассмеялась.

— Куда это ты собралась?

На самом деле у меня было не так уж и много вариантов. Возможно, я могла бы снять комнату. Понятно, что в данной ситуации мне не удастся получить комнату в общежитии при университете. При условии, что всё же попаду туда. Я даже не знала, смогу ли позволить себе жильё, учась в колледже, но прекрасно понимала, что больше не смогу жить в одном доме с мамой и отчимом. А потому оставался только один вариант.

— Я переезжаю к отцу, — ответила я.

Она снова засмеялась и начала доставать из пакетов новую одежду. Приложив к себе маленькое чёрное платье, она повернулась ко мне. — Что думаешь? Прелестно, не правда ли? Купила на распродаже, — похвасталась она.

— Ты меня вообще слышишь?

— Что? Эту шутку про жизнь с твоим отцом? Да, слышала. Валяй. Если ты думаешь, что мы строгие, то ты просто не знаешь своего отца.

Это действительно могло быть проблемой. Я и в самом деле знала его не очень хорошо. И несмотря на то, что, когда они с Джоанной стали жить буквально за углом, я виделась с ним немного чаще, мы практически не разговаривали. Я всегда чувствовала, что мы всё ещё пытаемся узнать друг друга.

Всякий раз, когда я шла домой, папа напоминал мне, что у меня есть своя комната. На протяжении многих лет Джоанна украшала её нашими с папой фотографиями, а ещё там всегда стояли свежие цветы. И всё же она казалась мне святыней, а не моей спальней.

Мама была права. Я действительно не знала, каково это — жить с ним. В тринадцать лет я не проводила вместе с отцом больше суток. В то время как мама продолжала примерять вещи, я слышала на лестнице шаги Джима. Мне было необходимо сделать выбор — хорошо известный мне дьявол или тот, кого я не знала вовсе.

— Я переезжаю к отцу.

Часть II
Парень из соседней комнаты — в прямом смысле слова

В конечном итоге решение переехать к папе с Джоанной оказалось одним из лучших, что я принимала в своей жизни. Единственным минусом проведённого с ними месяца стало то, что моя заикленность на произошедшем с Шейном в школе стала лишь сильнее.

В доме не было ни одной фотографии Шейна. Кроме того, Джоанна никогда не упоминала его в разговорах. Прошло полгода с тех пор, как я видела этого парня в последний раз, но всё равно, когда закрывала глаза, вспоминала тепло его губ, прижимающихся к моим.

Оставшиеся несколько недель до начала занятий в Ратгерском университете я работала в банке на полставки, но сейчас все заработанные мною деньги откладывались на учёбу, с оплатой которой мне обещал помочь отец. Хотя я и не думала, что это могло что-то кардинально изменить.

В то утро, когда я шла по подъездной дорожке, навстречу мне из дома вышли отец со своей женой. Я улыбнулась Джоанне, но та прошла мимо меня, словно не замечая, и села на пассажирское сиденье папиной «тойоты».

— Она в порядке? — поинтересовалась я.

— Всё нормально. Просто сейчас Джоанна очень переживает, — ответил папа. — Шейн возвращается. Мы хотим забрать его.

Шейн возвращается! Парень, по которому я сходила с ума в школе, придет сюда!

— Я могу поехать с вами. Где он был всё это время? — спросила я, пытаюсь контролировать свои мысли.

— Думаю, будет лучше, если ты останешься дома. Джоанна очень расстроена. — Отец понизил голос. — Никому не говори, но твой сводный брат снова сидел в тюрьме.

— *Снова?*

— Я говорил тебе, он запутался. У него трудная жизнь. Не могу сейчас вдаваться в подробности, думаю, ты и сама скоро всё узнаешь. Одним из условий его условно-досрочного освобождения является то, что он не будет жить со своим отцом из-за всех тех «мероприятий», в которых успел поучаствовать. Не могу сказать, как долго Шейн пробудет здесь, но он переезжает к нам.

Я помахала рукой, провожая папу с Джоанной в дорогу, но на самом деле оставалась снаружи только потому, что была слишком ошеломлена, чтобы передвигать ногами. Парень, которого я желала весь прошлый год, будет жить со мной под одной крышей и спать всего лишь через стену от меня.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я услышала, как машина отца подъехала к дому. Не задумываясь о том, что делаю, я быстро сменила свою рабочую одежду на повседневную. Сейчас я могла думать только о Шейне и его пребывании в тюрьме. Снова.

Снова? Мне хотелось узнать больше. Почему он был там? Я не могла и предположить, что марихуаны Сета будет достаточно, чтобы упрятать его так надолго, но что ещё могло с ним произойти? Эти мысли удручали меня. И я приняла решение во что бы то ни стало добраться до правды.

Как только Шейн вышел из машины, я сразу же обратила внимание на то, как он изменился за долгие шесть месяцев. Его плечи стали шире, мышц на руках заметно прибавилось, а волосы стали короче. На носу у него красовались солнцезащитные очки. Плотно сжатые губы дали мне понять, что находился он здесь не по своему желанию.

Шейн шёл впереди всех, в руках у него была большая спортивная сумка. Когда они приблизились, я открыла перед ними дверь. Увидев меня, он шагнул назад. Его лицо перекошилось от отвращения.

— Какого чёрта она здесь делает? — прошипел он.

Оттолкнув меня, Шейн направился напрямик к лестнице, звук его шагов эхом

разносился по дому. Идущая следом Джоанна выглядела измотанной, а отец — беспомощным. Было очевидно, что ни один из них не станет сейчас ничего объяснять.

Услышав шаги парня наверху, я почувствовала себя неловко. Не знаю, помнит ли он, какая из комнат его, но я всё ещё чувствовала его присутствие в своём пространстве. Услышав, как скрипнула дверь моей спальни, я поспешила за ним.

— Это не твоя комната, — сказала я.

Он огляделся.

— Здесь очень мило, не желаешь поменяться?

— Ты ещё даже не видел свою. Уверяю, там тоже мило.

— Мне не нужно видеть её. Я знаю, что принцессе досталась лучшая комната. — Он снял очки и пристально посмотрел на меня. — Да, *сестрёнка*?

Я съёжилась, услышав, как он меня назвал. Волнуясь из-за его приезда, я совершенно забыла кое-что очень важное. Теперь мы родственники.

Он оттолкнул меня и прошёл в свою комнату, находившуюся чуть дальше по коридору. Громко хлопнула дверь.

Я закрыла за собой дверь спальни и уже собиралась пойти вниз, когда неожиданно развернулась и направилась к комнате Шейна. Я понятия не имела, в чём его проблема, но раз уж он собирался жить здесь, то мне следовало с ним поговорить. Я постучала в дверь.

— Иди на хер, — мгновенно отозвался он.

Я подняла было руку, чтобы постучать снова, но вовремя остановилась. *Что я делаю?* Он явно не хочет говорить со мной, так зачем настаивать?

С первой минуты, как я увидела Шейна, в нём было что-то, чему я не могла сопротивляться. Я никогда не была одной из тех девушек, которые бегают за парнями или теряют голову всякий раз, когда остаются с ними поблизости. Чёрт, я никогда не была девушкой, которая могла бы сказать, что она теряет голову от чьего-то присутствия. Но эффект Шейна на меня с первого дня был именно таким, и сейчас, когда он вернулся, я с ужасом осознала, что ничего не изменилось.

Спустившись вниз, я услышала, как папа разговаривает на кухне со своей женой. И остановилась на ступенях, откуда они не могли меня заметить, чтобы узнать, о чём идёт речь.

— Как думаешь, сколько Шейн пробудет здесь? — спросил отец.

— Не знаю. Он никогда раньше не хотел оставаться со мной. Зная его, он скоро снова вляпается в неприятности. Я просто переживаю, ведь теперь он взрослый.

— Пойду проверю Розали.

Чёрт! Попалась!

— О, вот ты где, — удивился отец. — Идём прогуляемся.

Это была кодовой фразой моего отца, когда он хотел поговорить со мной наедине. Я надела кеды, и мы направились к двери. Мы были в квартале от дома, когда отец заговорил.

— Я хотел поговорить с тобой о Шейне, — начал он.

— Ты имеешь в виду своего сына? — поддразнила я.

— Не называй его так, пожалуйста. Он не мой сын. — Отец рассмеялся и закатил глаза. — Просто я хочу быть уверенным, что ты не против, если он поживёт здесь какое-то время. Я только сегодня утром узнал от Джоанны, что он переезжает к нам. Не думаю, что она и сама ждала, что он останется.

— Ты говорил, он был в тюрьме?

Папа кивнул.

— Да, из-за наркотиков, как и его отец. Я не знаю всего, у него была сложная жизнь. Я правда думаю, что он хороший парень, но ему нужен кто-то, кто в него поверит.

Услышав, что Шейн попал в тюрьму из-за наркотиков, я почувствовала себя ужасно. И не в силах сказать что-либо, замолчала. У меня в голове роились сотни вопросов, однако я знала, что отец не может дать мне на них ответов. Если мне интересно, что произошло на самом деле, Шейн сам должен об этом рассказать.

— Я просто хотел сказать тебе, что если его присутствие причиняет тебе неудобства, то только скажи, и он съедет.

— Нет, всё в порядке, — ответила я. — Уверена, всё будет нормально.

Когда мы вернулись с прогулки, Джоанна объявила, что ужин почти готов. Я направилась в свою комнату, чтобы переодеться. Я немного вспотела и потому хотела заскочить перед ужином в душ.

Дверь ванной была закрыта, но иногда я случайно её захлопывала. Я открыла дверь, и меня окутала стена пара.

Какого чёрта? Я что, оставила воду включённой?

Когда я вошла в ванную, шторка откинулась, и на пушистый коврик ступил Шейн. Парень был абсолютно голым, если не считать полотенце, которым он вытирал волосы.

Следовало развернуться и выйти из ванной, но меня словно парализовало. Вода, стекающая по его телу, завораживала. А когда мой взгляд спустился к его члену, у меня вырвался вздох. Никогда не видела такого большого.

— Меня ждёт приветственный секс? — поинтересовался он.

— Что?

— Ну а иначе зачем ты здесь? Разве ты не слышала шум душа?

— Я забыла, что у нас общая ванная.

— Ты даже не можешь отвести от него взгляда, не правда ли?

— Я... Э-э... О-ох, — запнулась я.

— Привет твоему *большому* брату, да? — усмехнулся он. — Если я понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти. Возможно, это будет не так уж и плохо. Как насчёт *услуги за услугу*?

Он размял мышцы, заставляя татуировки перекачиваться, и я не смогла сдержать смех.

— Обещаю, что никому не расскажу, — добавил он, многозначительно поведя бровями.

Шейн вышел из ванной, а я плеснула в лицо водой, пытаясь избавиться от образа его члена перед глазами. Но следовало признать, его предложение мне понравилось.

Ужин был почти готов, поэтому мне не хватало времени, чтобы принять душ. Я немного волновалась, что Шейн может потребовать *услугу за услугу* где угодно. Вечер был тёплым, поэтому я надела шорты с футболкой и спустилась вниз.

Мой отец сидел во главе стола вместе с Джоанной, с другой стороны от него было свободное место. Рядом с пустым стулом сидел Шейн. Он широко улыбнулся и похлопал по нему рукой.

— Оставил место для тебя, сестрёнка.

— Я *не* твоя сестра, — проходя мимо, пробормотала я в ответ.

Я села рядом с ним, и, словно примагниченный, мой взгляд остановился на его коленях. Его джинсы сидели настолько плотно, что можно было видеть очертания его члена. Шейн дотронулся до выпуклости на своих джинсах, а я, подняв голову, поймала его хитрый взгляд. И поняла, что попалась.

На протяжении всего ужина я заставляла себя не смотреть на него. Чувствовала себя на взводе и отказывалась смотреть в его сторону. Что если он что-то скажет о взглядах, которые я на него бросаю?

— Надеюсь, ты смог устроиться здесь, Шейн? — спросил мой отец.

— Да, думаю, что хорошо проведу здесь время. Прежде чем пришла наша Розали, я успел принять душ.

— Клянусь, я ничего не видела, — ляпнула я.

Мой отец странно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я опустила глаза, и мой взгляд снова наткнулся на выпуклость в штанах Шейна.

Чёрт возьми! Отвернись сейчас же, Розали!

— Как я уже говорил, у нашей Розали богатый выбор гелей для душа и шампуней. Надеюсь, ты не против, что я воспользовался твоими вещами.

— Ничего страшного, — ответила я невпопад, желая, чтобы ужин поскорее закончился.

— Если тебе что-нибудь потребуется, ты знаешь, где меня найти, — сказал он с ухмылкой. — Я твёрдо верю в принцип услуги за услугу.

Мои щёки горели, и я, продолжая смотреть в тарелку, отодвинула еду от себя. Я не могла есть, мои мысли были совершенно не об этом.

Налив себе стакан воды, я сделала глоток, когда рука парня коснулась моего обнажённого бедра. Я попыталась вести себя спокойно, словно ничего не случилось, но потом его рука двинулась вверх, ближе к моим шортам. Дёрнув ногой, я пролила на себя немного воды.

— Прости, из-за меня ты промокла, — прошептал Шейн. — К слову, у тебя встали соски.

Я сложила руки на груди и попыталась сделать вид, что ничего не произошло. Шейн встал из-за стола и взял свою тарелку.

— Я предпочитаю есть в своей комнате, — сказал он.

— Прекрасно, дорогой, — кивнула Джоанна. — Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Есть в своей комнате. Часть меня хотела рассмеяться, другая же пришла в ужас от того, насколько незрелыми были его действия, однако меня отчаянно преследовало желание стать его ужином.

На следующий день я обнаружила Шейна, расхаживающего перед верандой. Его руки сжимались в кулаки, и я слышала, как он что-то бормочет, но не могла разобрать, что именно. Я думала о том, что сказал мой отец о наркотиках. Меня мучили сомнения: что если я ошибалась, и я ни в чём не виновата?

— У тебя ведь есть машина, да? Отвези меня в город, — заявил он.

— Зачем? И откуда вдруг такая уверенность, что я захочу тебя куда-либо везти?

— Потому что ты не стерва, а хороший человек. Я ошибался на твой счёт.

— В таком случае ответь мне, почему же вчера ты вёл себя, как мудака, и я отвезу тебя.

— Это сложно, — вздохнул он. — Забудь о том, что я говорил.

— Тогда хотя бы расскажи мне, что произошло в тот день в школе с Сетом.

— Расскажу по дороге.

— Ладно, — хватая ключи, согласилась я. — Куда едем?

— В центр города. Я дам знать, когда доберёмся до места.

Когда я заводила машину, то не могла отделаться от кружащих бесконечным потоком мыслей. *Не могу верить! Шейн Вентана в моей машине!* Подумав такое, я почувствовала себя идиоткой. Я старалась действовать спокойно и невозмутимо, словно в этом не было ничего особенного, но в глубине души находилась на грани нервного срыва. В любую минуту я могла сделать что-нибудь глупое, как тогда, когда поперхнулась за ужином. Да, я чертовски фартовая!

— Итак, что же случилось в школе? — спросила я.

— Уверен, ты слышала. Меня арестовали. А затем отправили в тюрьму.

— Но ты ничего не сделал.

— Это не важно, — ответил он. — У меня уже были проблемы с законом. Судья думал, что, если начнёт угрожать мне тюрьмой, я скажу им всё, что они захотят.

— Тогда почему ты не сказал? Зачем тебе защищать Сета?

— Я не защищал Сета, — сказал он. — Сет не был причастен к тому, что случилось со мной. Хотя они были счастливы, что добрались и до него. Но, к сожалению, всплыли мои прошлые приводы в полицию, и это вызвало некоторые проблемы.

— Что ты сделал?

— Не твоего ума дело.

Шейн отвернулся к окну и замолчал. Я не знала, что и думать. Виновата ли я в том, что он оказался в тюрьме? Или всё и так к этому шло?

— Поверни здесь, — приказал он. — Сейчас.

— Туда? Ты сумасшедший?

— Делай, как я говорю.

Мы находились в той части города, через которую я прежде ездила только с поднятыми окнами и заблокированными дверьми. Старые кирпичные здания износились, некоторые из них были заколочены. Шейн хотел, чтобы я свернула на улицу, больше напоминающую небольшой переулок.

Он собирается купить наркотики, промелькнуло у меня в голове.

Улица привела к небольшой парковке. Я остановила машину, и Шейн вышел, заглянув в окно.

— Ты идёшь? — поинтересовался он.

— Нет, думаю, мне лучше остаться здесь.

— Останешься в одиночестве в своей тачке? Сомневаюсь, что твой отец хотел бы этого.

Он захлопнул дверь машины и пошёл в сторону облупившейся белой двери, выцветшую табличку на которой я не смогла прочесть. Шейн обернулся ко мне и ухмыльнулся прежде, чем исчезнуть внутри.

Минуты тянулись медленно. Я подпрыгивала от каждого резкого звука. Большой минивэн заехал на парковку и припарковался рядом, и мне тут же вспомнились все серийные убийцы, о которых я только слышала. Мне хватило богатого воображения и проехавшего мимо автомобиля, чтобы помчаться к двери, за которой скрылся Шейн.

Когда я вошла, затхлый запах ударил мне в нос, но я поборолла желание чихнуть. А оглядевшись, поняла, что нахожусь в магазине художественных принадлежностей. Ряды красок, бумаги, холстов, карандашей — всё это было передо мной.

Я начала ходить вдоль рядов, задаваясь вопросом, где Шейн, и нашла его рядом с корзиной, заполненной масляными и акриловыми красками.

— Почему ты не сказал, куда направляешься? — спросила я.

— Потому что хотел посмотреть, доверяешь ли ты мне настолько, чтобы отвезти.

— Так ты меня проверял?

Он пожал плечами.

— Я не многим доверяю, так зачем кому-то доверять мне?

— Ты рисуешь?

— Когда выдаётся возможность. Это расслабляет.

— Можно мне посмотреть твои работы?

— Нет, — ответил он утрумо. — Я никому не показываю. И не вздумай проболтаться кому-нибудь, что возила меня сюда.

— А как же...

— Я серьёзно, Розали. Никому.

— Даже моему отцу?

— Тем более твоему отцу. Не хочу, чтобы моя мать узнала, поняла?

— Она не знает?

— Ты можешь заткнуться хоть ненадолго и дать мне выбрать? Возможно, тебе стоило остаться в машине.

— Ладно, молчу.

Он бросил на меня пронизывающий взгляд. Я открыла было рот, чтобы извиниться, но тут же его закрыла. Я и так стояла на зыбкой почве, не стоило ухудшать положение.

У меня возникло к нему столько вопросов. Он всегда был для меня красавчиком Шейном, Шейном-спортсменом или Шейном-плохишом, а теперь стал ещё и Шейном-художником. Он сложнее, чем я думала.

По дороге домой мы не разговаривали. А как только приехали, Шейн сразу же унёс

покупки в свою комнату. После чего он несколько дней не попадался мне на глаза, но, когда я снова его увидела, всё изменилось.

Сегодня у меня, наконец, выдался выходной день, и когда Шейн спустился по лестнице вниз, я сидела в гостиной, читая книгу. Он был без рубашки, поэтому я подняла книгу немного выше, делая вид, что читаю, но на самом деле в это время любовалась его телом.

У него появилась новая татуировка в виде розы на бицепсе, но это лишь немного отвлекло меня от созерцания его тела. Мой взгляд медленно опустился по кубикам на его животе и проследовал к краю заниженных джинсов. Мне не нужно было использовать своё воображение, чтобы представить себе, что у него в джинсах.

— Увиденного ранее оказалось недостаточно? Знаешь, тебе не следует смотреть на своего брата вот так, — произнёс парень.

Чёрт!

— Я... Э-э... Читаю, — замялась я. — К тому же, ты мне не брат.

— Ну, сводный брат, если тебе так угодно. Нормы от этого не меняются. Если, конечно, ты не любительница всяких отвратительных штучек.

Глядя в окно, он надел белую рубашку и закатал рукава.

— И когда же снова появится Шейн-мудак? — поинтересовалась я.

— Шейн-мудак всегда здесь, никогда не забывай об этом. — Он сунул руки в карманы и наклонил голову, заглядывая в книгу, которая всё ещё находилась у меня в руках. — Что за хрень ты читаешь?

— Не твоё дело. — Я поспешила спрятать книгу под подушку.

— Это эротика, да? Я видел женскую грудь на обложке. Моя бабушка читала про Фабио, одетого как пират, или как-то так, — несколькими быстрыми шагами он пересёк комнату и вытащил мою книгу из-под подушки.

— Нет, это не эротика. Обычный любовный роман. Сейчас же верни мне книгу!

Шейн открыл её и стал листать страницы. Остановившись на одной, он начал читать, потом посмотрел на меня с кривой улыбкой.

— Моей бабушке до тебя далеко. Это же чистое порно, — со смехом заявил он.

— Отдай. Это не порно.

Я встала с дивана и попыталась выхватить книгу из его рук, но он поднял её выше.

— Это порно. Его член находится в ней, а она говорит о своей влажной киске. Тебя это возбуждает? Интересно, твоя киска сейчас такая же влажная?

Я подпрыгнула и выхватила книгу из его рук, но он поймал меня за запястье, когда я попыталась уйти.

— Я же читал, — протянул Шейн и потянулся за книгой.

Когда я попыталась вырваться, то споткнулась и упала на диван, потянув его за собой. Я лежала на спине, а он был сверху. Его тёплое дыхание было так близко, что по моей коже побежали мурашки, а соски тут же затвердели. Я совсем забыла про книгу, пока он не выдернул её из моих рук и, усевшись на пол, не открыл её снова.

— Где тут была влажная киска? — перелистывая страницы, протянул Шейн.

Она прямо здесь.

Я ударила его по голове подушкой и села.

— Похоже, тебе книга нужна больше, чем мне, — ядовито бросила я.

Шейн положил её и повернулся ко мне. Его ярко-зелёные глаза встретились с моими.

— Как сильно тебе это нужно? — приподняв бровь, спросил он.

Он говорил не о книге. Даже я не была настолько глупа, чтобы так подумать. Слушая его, я теряла контроль над своим телом.

Очень нужно. Моё тело задрожало: я текла от одних его слов. Ответ был очевиден.

На подъездную дорожку въехала машина. Выглянув на мгновение в окно, Шейн поднял книгу и усмехнулся.

— Если тебе это так нужно, ты знаешь, где меня найти, — протянул он.

С книгой в руках он пошёл к своей спальне. Я хотела вернуть её, а ещё мне хотелось продолжения того, что только что произошло. Я уже собралась пойти за ним, когда в дом вошёл отец.

— Вам с Шейном сегодня придётся самим о себе позаботиться, Розали, — сказал папа. — У Джоанны поздняя встреча, а я должен вернуться в школу на родительское собрание. — Порывшись в бумажнике, он достал немного денег и положил их рядом с телефоном. — Этого должно хватить на ужин.

— Спасибо, пап. Тебе что-нибудь заказать?

— Нет, не беспокойся обо мне. Извини, что сообщаю всё в последний момент.

Вскоре после того как папа исчез в своей спальне, послышался шум воды в душе. Я поднялась, собираясь забрать книгу у Шейна, но увидела, что дверь его спальни закрыта. Поскольку я сама очень чувствительна к нарушению личного пространства, то решила постучаться.

Но подождав минуту, сдалась. Видимо, Шейн снова не хотел, чтобы его беспокоили. Вернувшись к себе, я обнаружила его на моей постели за чтением моей книги. В это мгновение он напомнил мне отца, и мне захотелось, чтобы он ушёл.

— Что ты здесь делаешь? — сердито спросила его. — Я не разрешала тебе входить в мою комнату. Проваливай!

— Да ладно! Мне не позволено находиться в спальне принцессы?

— Просто уйди. Выйди! Как ты смеешь приходить в мою комнату без разрешения?!

— Тебе не нравится, что я здесь? Только не говори, что никогда не мечтала о том, чтобы я оказалась в твоей спальне. — Он встал с кровати с книгой в руке и уставился на меня. — Я знаю, ты хочешь этого, и тут нет ничего общего с порно. Я видел, как ты смотрела на меня. Спорим, ты становишься влажной лишь от одной мысли об этом.

На мгновение я была слишком ошеломлена, чтобы сделать что-нибудь, но моя злость взяла вверх, и я подошла к нему.

— Не разговаривай со мной так, — категорично ответила я.

— Что? Я тебя расстроил? Или тебя беспокоит, что даже сейчас, несмотря на злость, твои соски реагируют на моё присутствие?

Я сложила руки на груди. Глупое тело. Я не могла сердиться, когда оно так реагировало на него. Оно предавало меня всякий раз, когда Шейн был рядом.

— Убирайся немедленно! И отдай мне книгу, — отрезала я.

— Мне не нужна твоя смешная книга.

Шейн бросил её на кровать и быстро проскользнул мимо меня в коридор. Когда он ушёл, я захлопнула дверь, радуясь, что не разревелась до того, как он покинул мою комнату.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я услышала звонок в дверь, но солнце уже начало садиться. Выглянув из окна моей спальни, я увидела автофургон доставки с ресторана «Палермо» на парковке перед домом. Один вид этой машины напомнил о том, насколько я голодна. «Палермо» — мой любимый ресторан, и я подумала, что Шейн хоть и мудака, но порядочный, поэтому наверняка заказал что-то и для меня.

Покинув границы своей комнаты, я привычно закрыла за собой дверь. Шейн сидел в столовой и ел пиццу.

— Можно мне взять немного? — поинтересовалась я.

— Нет, ешь свою.

— Мог бы и сказать, что заказал ужин.

Он не ответил. Пристально глядя на меня, он откусил большой кусок, и под его взглядом я почувствовала себя голой. Совсем как в школе.

Сложив руки на груди, я попыталась скрыться от его рентгеновского взгляда и пошла на кухню. На столе лежал белый пакет с эмблемой «Палермо». На квитанции, степлером прикреплённой к пакету, было написано «Розали».

Когда я открыла его, запах чеснока и копчёной колбасы с пиццы «Альфредо» ударил мне в нос, и у меня потекли слюнки. Также в пакете были феттучини. Схватив две тарелки, я принесла еду в столовую.

— Спасибо, что заказал и для меня, — поблагодарила я. — Хочешь?

— Нет, мне нравится моя.

Мы ели молча. Я часто ловила на себе короткие взгляды Шейна, но вместо того, чтобы что-нибудь сказать, он продолжал молча есть. Мне не хотелось начинать разговор. Не хотелось испортить и этот момент.

Доев свою пиццу, Шейн уставился на меня. Когда я подняла глаза, его взгляд всё ещё был прикован ко мне. Он не отводил глаз, и хоть я не была уверена в правильности своих желаний, но мне хотелось, чтобы он продолжал смотреть. В какой-то момент я почувствовала, что краснею.

— У меня что-то на лице? — спросила я.

Я потянулась за салфеткой, и его рука сжала мою руку.

— Я сожалею о том, что случилось, — хриловато произнёс он.

— Проехали.

— Нет, мне стоило догадаться. Когда я был в тюрьме, то надрал бы задницу любому, кто посмел нарушить моё личное пространство.

— Я погорячилась. В последнее время я очень болезненно отношусь к своей комнате: это моё пространство. Ничего не могу поделать.

— Так вот почему ты здесь? — спросил он.

Я кивнула.

— Тебе больше ничего не нужно говорить. Я понимаю.

Он сжал мою руку, и я почему-то знала, что он не врёт.

— В моей комнате ты сказал...

— Мне жаль, — произнёс он. — Мне казалось, что между нами что-то происходит, вот я и подумал, что мы могли бы это продолжить.

— Я бы солгала, если бы сказала, что не имела в виду того же.

— Мы не можем. Не здесь, не в этом доме. Не там, где я твой сводный брат.

— Тогда поехали куда-нибудь.

Мы решили отправиться в Нью-Брансуик, где было несколько крупных гостиниц и достаточное количество людей, чтобы никто не обратил на нас внимания. По дороге Шейн указал мне на круглосуточный магазин «Севен-Элевен» и попросил заехать туда. Он вернулся через несколько минут с пакетом полным продуктов.

— Что ты купил? — спросила я, пытаясь заглянуть в пакет.

— Самое необходимое. — Он шлёпнул меня по руке. — Проехали.

Отель, в котором мы решили остановиться, находился в одном из самых высоких зданий в городе, и из него открывался удивительный вид на реку. Без проблем получив номер, мы в тишине поднимались на лифте на наш этаж. Моё сердце в предвкушении колотилось в груди. Я никогда не делала ничего подобного, но сейчас могла думать только о том, как останусь с Шейном наедине в одной комнате. Мне не нужен был никто другой, только он. Идея остаться с ним один на один в кровати казалась слишком хорошей, чтобы отказываться от такой возможности.

Когда двери лифта наконец открылись, Шейн взял меня за руку и повёл в наш номер. Включив свет, он поставил пакет с продуктами на стол рядом с телевизором.

В центре комнаты стояла двуспальная кровать с коричневыми и кремовыми простынями. Он посмотрел на стену с окнами, которые были занавешены длинными шторами.

Я почувствовала себя неловко, словно какая-то шлюха. Присев на край кровати, я сложила руки. Шейн сел рядом со мной и, убрав мои волосы за плечо, хрипло прошептал мне на ухо:

— Я знаю, чего ты хочешь.

От его голоса по моему телу прошёл озноб, и мне стало спокойнее. Я повернулась к нему, надеясь, что он снова меня поцелует, но вместо этого он встал и начал выкладывать продукты из пакета.

Я смутилась.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я.

— Я знаю, чего ты хочешь, — повторил он, и его интонация заставила меня насторожиться. — Ты хочешь мороженое.

Шейн поднял несколько пол-литровых стаканчиков мороженого «Бен & Джерри» и упаковку пластиковых ложек. Удерживая их в своих руках, он подхватил пульт от телевизора и поставил всё на одну из тумбочек рядом с кроватью.

— Давай, — позвал он, похлопав возле изголовья кровати. — Тащи сюда свою задницу.

Шейн разулся и, поправив несколько подушек, сел, откинувшись на спинку кровати. Скинув кроссовки, я уселась рядом с ним, скрестив ноги.

— У тебя есть печенье из песочного теста?

— Конечно. Ведь это твоё любимое, — ответил он, вручая мне несколько штук.

— Откуда ты знаешь? И какую пиццу я люблю... Как ты угадал?

— Я не угадал, а знал, — ответил Шейн. — Твой отец много говорил о тебе, из меня же вышел хороший слушатель. Когда я сидел в тюрьме, у меня было не так уж и много занятий, кроме как слушать.

— Не думала, что ты купишь именно это.

— А что, ты думала, я куплю? Презервативы?

— Ну, на самом деле, да, — со смехом призналась я.

— Их я тоже взял. — Его лицо стало серьёзным, и он наклонился ближе ко мне. — Я бы солгал, если бы сказал, что не хочу тебя прямо здесь и сейчас. Но я представлял себе это немного иначе.

Я была ошеломлена. Парень, от которого я была без ума, представлял секс со мной?

— Ты представлял себе секс со всеми девушками, что вились вокруг тебя?

— Нет, — с сарказмом произнёс он. — Хотя я догадываюсь, почему ты так думаешь. Моя репутация в школе была далека от идеала, я мучил со многими девушками, но всё изменилось, когда я увидел тебя.

— Всё это ерунда.

— Дело в том, Розали, что ты слишком хороша для меня. Моя жизнь испорчена, а у тебя есть будущее.

— О чём ты говоришь?

— Я говорю о нас. У наших отношений нет будущего. Я, чёрт возьми, как чёрная кошка. Всё, что делаю, получается как попало. Помнишь тот день, когда наши родители объявили, что поженились? Я видел тебя и раньше, прежде чем даже успел сказать тебе хоть слово. Это чёртова удача, что ты стала моей сводной сестрой. И происшествие с участием Сета, скорее всего, случилось по той же причине.

— Ну, мне иногда кажется, что я очень везучая, так что, возможно, мы уравновешиваем друг друга, — сказала я.

— Ты не можешь быть везучей, иначе бы не съехала от мамы.

— Почему ты оставил свою маму?

Он опустил голову и засунул ложку мороженого в рот.

— Хочешь услышать краткую версию? — спросил он.

— Нет, я хочу знать всё.

На его лице появилось болезненное выражение. Он испустил долгий вздох, а затем покачал головой.

— Я не могу рассказать тебе обо всём, — протянул он. — Не спрашивай почему, просто не могу сделать это прямо сейчас.

Его глаза смотрели на меня с мольбой, и я кивнула, боясь сказать что-нибудь, что может его спугнуть.

— Уверен, твой отец рассказывал тебе о моём отце. Мы были очень близки, и, что забавно, мы с тобой даже встречались, когда были детьми, а мои родители ещё жили вместе, но я знаю, ты не помнишь этого. Ты носила с собой куклу, и на вас были одинаковые диадемы.

Я засмеялась.

— Я помню эту куклу. Тогда я повсюду таскала её с собой.

— Я был глупым ребёнком, не удивительно, что ты меня не помнишь. Мне казалось, что ты принцесса, действительно, настоящая принцесса. Ты была такая красивая, и ещё эта диадема. Нам было, наверно, лет по шесть, и я слишком испугался и не решился тогда заговорить с тобой.

— Хм, шесть лет. Это многое объясняет.

— Что ты имеешь в виду?

— Я многого не помню о том времени. Однако мне запомнился один момент, произошедший на парковке, хотя я и не уверена, случилось ли это на самом деле. В любом случае, забудь об этом. Мы говорим не обо мне.

— Почему, как ты думаешь, я называю тебя принцессой? — спросил он с кривой улыбкой.

— Обычно ты называешь меня так, когда злишься.

— Да, но я злюсь не столько из-за тебя, сколько из-за того, что ты моя сестра.

Теперь пришла моя очередь отводить взгляд. Я никогда в жизни так много не краснела, но присутствие Шейна всегда оказывало на меня удивительно сильный эффект. Это было даже немного неловко.

— Как я уже сказал, мы с отцом всегда были очень близки. Он повсюду брал меня с собой. Вряд ли это из-за того, что мать не имела понятия о том, как правильно воспитывать мальчика, скорее, она просто не заботилась обо мне. Даже несмотря на то, что у моего отца были проблемы. Он был наркоманом.

— Вот как ты связался с наркотиками?

— Вроде того. Тем не менее, я никогда не был наркоманом, как мой отец. Я никогда не пробовал ничего кроме травки типа марихуаны, и то только раз. Я видел, что наркотики делают с людьми и не хотел стать таким же. Но иногда у тебя просто нет выбора.

Десять лет назад

— Убирайся! — закричала Джоанна. — Ты потерял работу, потратил все наши сбережения, и теперь я узнаю, что ты связался с этим? Что насчёт Шейна? Ты и его заставил участвовать? Нет, не отвечай. Я не хочу знать. Просто уходи, Райан. Я устала. Как же мне всё это надоело!

Моя мать выбежала из комнаты, оставив отца плакать, закрыв лицо руками. Мне было только восемь, но я уже знал гораздо больше о многих взрослых вещах, чем мои сверстники. Я осторожно положил руку на плечо отца.

— Что я могу сделать, пап? — спросил его.

Он покачал головой.

— Я не знаю, Шейн. Не знаю. Я сделал столько ошибок и сейчас уже не могу ничего изменить. Твоя мать хочет, чтобы я ушёл. Тебе придётся сделать выбор: жить со мной или с мамой.

Для меня в этом вопросе всё было очевидно: отец нуждался во мне, а мать — нет. Я бы даже сказал, что для неё я был занозой в заднице.

— Куда мы отправимся? — спросил я.

— Поедем к твоей бабушке в Филадельфию. Она примет нас. Только не говори матери.

— Почему?

— Потому что твоя мать и бабушка терпеть друг друга не могут.

Я видел свою бабушку всего несколько раз, и только когда она приезжала к нам в гости. Мы никогда не ездили к ней в Филадельфию, и в тот день я узнал почему.

Бабушка Вентана или *Abuela*², как она хотела, чтобы я её называл, жила в трущобах. Большинство зданий вокруг её дома находились в ужасном состоянии. Некоторые из них и вовсе выглядели нежилыми, с заколоченными окнами, но люди по-прежнему там обитали.

Дом бабушки находился на заброшенной улице в забытой части города. Кирпичные дома располагались так близко друг к другу, что некоторые даже стояли впритык. В воздухе витал ужасный запах грязи и разложения.

По широкому тротуару перед бабушкиным домом нельзя было пройти. Между домами на улице висели электрические провода и бельевые верёвки с ботинками, болтающимися на шнурках. Вскоре я узнал, что висящий ботинок — это знак того, что в этом районе все наркотики уже проданы. Бабуля сидела на расшатанном стуле напротив своего дома. Пока мы шли от железнодорожного вокзала вверх по улице, она стояла, с разочарованием трясла головой.

— *Sinvergüenza*³, — произнесла она, глядя на моего отца. — Всему виной наркотики, да? Проходите внутрь, я приготовлю вам что-нибудь поесть.

Пока бабуля жарила куриные ножки, мы с отцом ждали её за большим обеденным столом. Комната, в которой мы сидели, была выкрашена в ярко-оранжевый цвет, а на одной из стен висело большое распятие.

Когда ножки были готовы, бабушка поставила их на стол с кучей бумажных тарелок и села сама. Мой отец начал есть так, словно первый раз в жизни увидел еду. Покачивая головой, бабушка прищёлкнула языком.

— Так ты теперь моя проблема, да? — поинтересовалась она.

— Прости, мама, мне некуда было пойти, — извинился отец.

— Это я виновата. Я не уделяла достаточно времени твоему воспитанию, когда ты был моложе. Я доверяла тебе товар не для того, чтобы ты начал его употреблять. — Облизав губы, она снова цокнула языком. — Вам придётся ещё поработать на меня, но в этот раз, если что-то пропадёт, заплатите за пропажу вдвойне.

— Да, мамуля, всё что захочешь.

Её глаза обратились ко мне, и она прищурилась сквозь очки.

— Сколько тебе? — спросила она.

— Восемь.

— Ты похож на смышлёного мальчика, как насчёт того, чтобы заработать денег и помочь отцу?

Наши дни

— Я передавал наркотики бабушкиным дилерам. Она думала, что к ребёнку они будут снисходительнее, чем ко взрослым.

— Это ужасно, — прошептала я.

— Это было не так плохо, как ты думаешь. Когда мы с бабушкой сблизились, я понял, почему она занималась всем этим. Я бы сделал для неё всё, и никогда бы не сдал её копам.

— Поэтому, когда в школе ты взял футляр от очков Сета...

— Полицейские пробили моё имя и узнали о всех моих приводах. У них не было выбора, кроме как забрать меня, а так как я не стал играть по их правилам, меня заперли.

²Abuela (исп.) — бабушка.

³Sinvergüenza (исп.) — негодяй.

— Мне так жаль, — искренне сказала я. — Всё это время я волновалась, что это случилось из-за меня, и теперь мои предположения подтвердились.

— Нет, всему виной моя дерьмовая жизнь. Я не могу уйти от этого. *Abuela* скончалась несколько лет назад. Тогда же мы с папой переехали, и я начал ходить в школу. Я мог бы рассказать полицейским всё, что они желали знать, но не хотел проявить неуважение к её памяти.

Шейн был спокоен и опять смотрел на меня тем самым пронизывающим насквозь взглядом. Только на этот раз меня это не беспокоило. Теперь я знала, что он видит нечто большее.

— Прямо сейчас, — произнёс он, — прямо здесь, сегодня — это лучший день в моей никчёмной жизни. В постели с тобой всё дерьмо, через которое мне пришлось пройти, видится хорошим, ведь я знаю, что оно привело меня к тебе.

Меня изумили его словами. Я знала, что он говорил искренне, но часть меня не могла в это поверить. Почему парень, которого я ещё не так давно преследовала в школе, говорил все эти удивительные слова? Это было нереально. Меня поразила серьёзность, сквозившая в его голосе.

— Так вот как ты умудрялся залезть под юбку каждой девчонке? — с усмешкой уточнила я.

— Когда как. А что, производит впечатление? — Он склонил голову набок, откидывая волосы с моего плеча. — Тебе не нравится быть серьёзной, так ведь? Тебе от этого некомфортно.

— Может быть. А может, я просто нервничаю, потому что догадываюсь, что должно произойти.

— Это?

Он обхватил меня за шею и притянул к себе. Его такой нежный вначале поцелуй плавно перерос в жадный и требовательный. Когда его язык скользнул рядом с моим, я тихо застонала.

— Мне нравится, — сказал он. — Повтори.

— Не могу. Это вышло случайно.

— Тогда я сделаю так, чтобы это произошло снова.

— Не думаю, что у тебя получится.

— Люблю, когда мне бросают вызов, — ухмыльнулся Шейн.

Парень сдвинулся вниз на кровати так, чтобы мы лежали рядом друг с другом. Покрывая шею лёгкими поцелуями, он медленно поднялся к моим губам, оставляя нежный, игривый поцелуй и на них. Ухмыльнувшись, он слегка прикусил мои уста, посасывая место укуса. Я едва сдержала стон.

— Нет? Ну ничего, я своего ещё добьюсь, — с кривой усмешкой прошептал парень.

— Что ты собираешься делать?

— Я заставлю тебя стонать так громко, что люди в соседнем номере побегут на нас жаловаться.

Я засмеялась, когда он притянул меня к себе, и почувствовала, как его твёрдый член прижимается к моему бедру. Тут же я вспомнила, как он выглядит обнажённым. После чего прижалась к нему ещё сильнее и провела рукой, ощущая его член сквозь грубую ткань джинсов.

— Ты чертовски меня заводишь. Представляешь, как трудно думать, когда ты в соседней комнате? Когда я слышу шум бегущей в душе воды и представляю тебя голой?

— Я хочу снова на тебя взглянуть, — сказала я, потянув его рубашку вверх.

Он быстро скинул рубашку, потом расстегнул джинсы и снял их, бросив рядом. Лёжа обнажённым рядом со мной, он снова притянул меня к себе, и его язык начал жадно изучать мой рот.

Его руки грубо двигались по моей футболке, сжимая мою грудь, пока не опустились до моих штанов. Я почувствовала, как он на мгновение заколебался, прежде чем стянуть их с моих бёдер. Откинув их в сторону, я устроила свою ногу между его ног.

Шейн притянул меня за бёдра и толкнулся членом между моих ног.

— Ты такая влажная — я так хорошо чувствую это сквозь твои трусики, — хрипло произнёс парень.

Застонав, он потёрся о меня своим членом и схватил за задницу, плотнее прижимая меня к себе.

— Я не могу больше. Пожалуйста, просто трахни меня уже, — взмолилась я, начиная стягивать с себя трусики, но он почему-то меня остановил.

— Нет, мы не можем. Я так сильно тебя хочу, но мы не можем.

— Это потому что я твоя сводная сестра, да?

— Отчасти, — ответил он. — Я не шутил, когда сказал, что сегодня — лучший день в моей жизни. И если мы сделаем это прямо сейчас, вполне возможно, что я умру счастливым. Но это невозможно. Я всё жду, что произойдёт что-то плохое. Со мной никогда не случается ничего хорошего. Ты слишком идеальна для меня. Если мы продолжим сегодня, я уверен, что случится что-то плохое, как и всегда в моей жизни.

Я хотела было поспорить с ним, заверить, что ничего не случится, но не смогла. У меня не нашлось слов, чтобы убедить его, что всё хорошо. И мне не хотелось сказать что-то, что могло бы разрушить то, что стало не только самым лучшим днём в его жизни, но и в моей жизни тоже.

Мы провели не один час, лёжа в постели. Шейн был голый, а я до сих пор оставалась в футболке и трусиках. Время пролетело незаметно, пока мы целовались и ласкали друг друга, стараясь не заходить слишком далеко.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Шейн не выходил из своей комнаты, а когда всё же покидал её, то держался особняком. Если мы и пересекались, то, едва взглянув на меня, он уходил. Я понимала, что он меня избегает.

Вместе с этим я обнаружила, что возвращаюсь к своим старым школьным привычкам. Я снова искала маленькие подсказки и признаки того, что он делает или где находится. Несколько раз он уходил, но я не знала, с кем он был. *Встречался с кем-то?* Подобные мысли вызывали боль в моей груди.

Шейн всегда выходил из своей комнаты поздно, после того, как все засыпали, но всякий раз, когда я пыталась поговорить с ним, он снова исчезал в своей комнате, не говоря ни слова. Часть меня радовалась, что он не кричал на меня, а другая хотела этого. Мне нужен был хоть какой-то отклик с его стороны, пусть им бы стала и грубость. Молчание было худшим из того, что он мог сделать.

Дом погрузился в сон, и я знала, что Шейн выйдет в ближайшее время, чтобы поесть, или чем он там ещё занимался посреди ночи. Мне следовало перестать слушать его, и думать о нём тоже не стоило. Нужно было прекратить волноваться о нём. Почувствовав необходимость отвлечься от мыслей о Шейне, я бросила взгляд на свой мобильник и решила узнать, как там поживает Ноэль.

— Привет, незнакомка, — ответила подруга, беря трубку.

— Спасибо, теперь я чувствую себя ещё лучше.

— Ты же знаешь, я просто прикалываюсь. Я давно не пересекалась с тобой, всё была занята: то готовилась к отъезду, то пыталась по максимуму провести время с Крейгом.

— Как там у тебя с ним?

— Как сказать... Ну, могло бы быть и лучше. Ты знаешь, когда мы начали встречаться, то планировали просто тусоваться этим летом. Никаких обязательств, никаких связей, раз мы оба собирались уезжать. Но теперь всё по-другому и стало в разы сложнее. Он даже начал говорить о переводе в мой колледж, хоть я и пыталась вразумить его, сказав, что это чистой воды безумие. А что у вас? Как там твой горячий сводный брат Шейн? Ты ещё не застучала его совершенно случайно в душе?

Я засмеялась.

— Нет, но сейчас ты подала мне идею. Полагаю, он в порядке. Не думаю, что сейчас он станет со мной разговаривать. И это разочаровывает. Хотя я и стараюсь не думать об этом.

— Ладно, тогда давай сменим тему. Ты слышала что-нибудь о маме?

— Нет. Я звонила ей неделю назад, но она так и не перезвонила. Всё ещё злится на меня. Она не говорила со мной с того самого дня, как я ушла. Тогда она сказала, что я предала её.

— Мне жаль. Уверена, это очень тяжело.

— Да, но знаешь что? Я чувствую себя намного спокойнее, находясь вдали от неё. Думаю, со мной всё будет в порядке. Она просто останется такой, какая есть. Я не могу позволить этому повлиять на меня. Теперь бы ещё ночные кошмары прекратились...

— Те кошмары про автостоянку?

— Ага. Они пропадают на некоторое время, а затем снова возвращаются.

— Знаешь, ты здесь, и это хорошо. Джим тот ещё подонок, из-за него я ненавидела приходить к тебе в гости. А теперь, когда с тобой живёт Шейн, я просто обязана заглядывать почаще.

— Заткнись, — засмеялась я. — Знаешь, я скучала по этому. Скучала по нашим с тобой разговорам.

— Я тоже скучала. И буду скучать по тебе, когда уеду. Зато теперь, раз съехала от матери, ты сможешь приезжать ко мне в гости и, возможно, нам удастся заняться чем-нибудь на весенних каникулах. Как прекрасно, что у меня есть такая чудесная лучшая

подруга!

— Спасибо, что напомнила.

— Ой, ты же знаешь, это просто потому, что я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Ноэль.

— Уже поздно, я почти засыпаю. Позвони мне завтра.

Закончив разговор, я решила пойти спать. Включив свой любимый плей-лист и дождавшись, когда заиграет музыка, я закрыла глаза.

— Розали, — прошипел Шейн. — Проснись.

Когда мои глаза распахнулись, я часто и отрывисто задышала. На Шейне не было ничего, кроме чёрных трусов-боксёров.

— Какого чёрта? — возмутилась я, потянув одеяло вверх. — Убирайся из моей комнаты!

— Успокойся, — сказал он, убирая руки. — Я услышал, что ты плачешь. Мне показалось, что тебе очень плохо, и, когда ты не ответила мне, я вошёл. Всё в порядке?

Я кивнула, а потом расплакалась и покачала головой. Приподнявшись, вытащила ноги из-под одеяла, а затем схватила подушку. Шейн присел рядом и обнял меня.

— Тебе приснился кошмар? — догадался он.

Я кивнула, не в силах ответить. Он ничего больше не спрашивал, но я не могла избавиться от видений в моей голове. Я никогда никому не говорила, какие кошмары связывали меня со старыми воспоминаниями. Я не могла сказать ни слова, хотя это не имело значения, потому что в них не было никакого смысла. Но по какой-то причине мне хотелось рассказать Шейну.

Когда я посмотрела на него снизу вверх, он встретился со мой взглядом и убрал волосы с моего лица.

— Могу я рассказать тебе об этом? — осторожно спросила его. — Не знаю, есть ли в этом какой-то смысл, но, думаю, мне нужно поговорить об этом.

— Ты можешь рассказать мне всё, что захочешь.

Я сделала глубокий вдох и на мгновение закрыла глаза, чувствуя себя в безопасности в его руках.

— С детства мне снятся кошмары. В них мне около пяти или шести. Во сне я пугаюсь и прячусь за машинами на парковке в жилом комплексе, где мы раньше жили. Сон всегда обрывается, когда меня хватают сзади, и я начинаю кричать.

— Неужели это действительно произошло? Просто мои кошмары обычно связаны с тем, что было в реальности.

— Если бы я знала. Как-то раз я спросила об этом у мамы. Рассказала ей о сне, и она ответила, что Джим однажды нашёл меня блуждающей на парковке за его домом. Это было до того, как они начали встречаться, в то время он ещё был её боссом. Джим заявил, что я прогуливала занятия, но это не так, потому что мне всегда нравилось ходить в школу.

— Ты помнишь, как он тебя нашёл?

— Нет. У меня только обрывочные воспоминания о том дне. Помню, в то утро я стояла с портфелем рядом с входной дверью, а возле меня качалось кресло-качалка.

— Это всё?

— Да. Когда я спросила маму, вспомнила ли она ещё что-нибудь с того дня, она лишь сказала, что после того случая я изменилась и больше не была счастливым ребёнком, какой меня привыкли видеть.

— Как ты думаешь, что же случилось на самом деле?

— Не знаю, — ответила я. — Да и не уверена, что желаю знать. Я просто хочу, чтобы кошмары прекратились.

Я прильнула к Шейну, и он крепко обнял меня, прижимая к себе. Спустя некоторое время он медленно отпустил меня и тыльной стороной ладони стёр слёзы с моих щёк.

— Мне лучше вернуться к себе, — вздохнул он.

— Пожалуйста, не уходи. Мне страшно засыпать. Можешь остаться со мной ненадолго?

В глазах Шейна отразились противоречивые чувства, которые вызвали мои слова. Я понимала его отношение к тому, что фактически он являлся моим сводным братом, но сама этого не чувствовала. Это был просто ещё один термин для него — то же самое, как когда мой отец называл его плохим мальчиком. Шейн был моим сводным братом — плохишом, но для меня это лишь слова.

— Я не знаю, — тихо ответил он. — Мне очень сложно находиться рядом с тобой. Ты сейчас такая ранимая и грустная, и я очень боюсь воспользоваться тобой в этой ситуации. Это последнее, чего бы мне хотелось.

— Ты никогда не сможешь воспользоваться мной. Если что-то и произойдёт между нами, то только потому, что я тоже этого захочу.

Он взял меня за руку и начал водить по линиям на моей ладони. Кончики его пальцев были покрыты засохшей разного цвета краской.

— Ты рисуешь? — решила поинтересоваться я.

— Да. Никогда никому этого не показывал, но хочешь увидеть, как я работаю?

— Конечно.

Шейн прошёл через нашу общую ванную в свою комнату и вернулся с картиной, изображённой на одном из квадратных полотен, которые он купил неделей ранее. Она не была закончена, но уже набросаны основные насыщенные цвета и прорисованы смелые линии. Посмотрев на полотно, я подумала, что это будет красивая картина.

— Тут предстоит ещё многое доработать, но она для тебя. Знаю, близится твой день рождения, и несмотря на то, что я порой вёл себя, как кретин, ты никогда не бросала меня.

— Правда? Ты рисуешь её для меня?

Он кивнул:

— Это роза, она символизирует твоё имя. Ты — причина, по которой я набил эту розу на предплечье. Она напоминает мне, что надо оставаться сильным. У меня в жизни было много шипов, но меня поддерживала вера в то, что однажды я достигну роз, и всё это будет того стоить. Так я продолжал идти вперёд, пробираясь через тернии, и в итоге эта дорога привела меня к тебе. Теперь я здесь, чтобы помочь тебе с шипами, вставшими на твоём пути, — твоими кошмарами.

Я не знала, что сказать. Я была так благодарна ему за то, что в этот момент он находится рядом со мной, но любой мой ответ мерк перед его словами.

— А что насчёт тебя? — спросил он. — Я сказал, что рисую, чтобы расслабиться. Есть ли у тебя что-нибудь подобное?

— Я пишу. Люблю сочинять стихи, иногда пишу рассказы.

— Я хотел бы как-нибудь их прочитать.

— Нет, тебе не понравится. Ведь это просто... Глупые рассказы.

— Никогда так не говори. Если для тебя они что-то значат, то это не глупо.

Я всё ждала, что Шейн переведёт это в шутку, но он так и не сделал этого. Наоборот, был как никогда серьёзен. И я знала, что теперь точно попала. Потому что ещё раз убедилась, что по уши в него влюблена.

— Как ты научился рисовать? — любопытствовала я.

— Уверен, ты догадываешься, что в тюрьме у меня было много свободного времени. Но там почти нечем заняться, кроме поднятия тяжестей или чтения. Однажды, когда был в библиотеке, я взял в руки книгу о современном искусстве и влюбился в кубизм. Я рисовал и после того, как вышел, даже купил некоторые материалы и много экспериментировал.

— Это потрясающе.

— Моя бабушка помогла мне с этим. Когда мы ещё жили с ней, она купила мне журналы по искусству и заплатила за несколько уроков. Однажды я узнал о художнике по имени Дмитрий Никитин. Его работы казались невероятными, они и вдохновили меня. Я хотел бы посетить его студию в Калифорнии и встретиться с ним лично. Может, даже взять

у него урок.

— Всегда мечтала побывать в Калифорнии.

— Мы должны поехать вместе, только ты и я. Может, нам удастся убежать от плохой погоды и кошмаров и просто оставить всё это дерьмо позади.

Я искала на его лице признаки того, что он так неудачно пошутил, но не нашла — там не было ничего. Я прислонилась к Шейну, благодарная ему за то, что он сумел спрятать мои шипы подальше. Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я чувствовала, что влюбляюсь в него, в своего сводного брата. Неправильно ли это? Он был всем, чего я хотела, но не могла получить. *Или могла?*

Несмотря на начало учёбы в колледже, я так и не почувствовала особых изменений в жизни, на которые так надеялась. Проблема заключалась в том, что я была из пригорода. Все в моей группе жили в общежитии и завели множество друзей, а я так ни с кем и не познакомилась. Во многих отношениях колледж ничем не отличался от средней школы, где мало кто вообще знал о моём существовании.

По сравнению со школьными временами, разница состояла лишь в том, что теперь меня это не волновало. Я хотела пойти в колледж, чтобы выбраться из дома, где жила с матерью и отчимом. И я это сделала, переехав к отцу. Только вот не рассчитывала, что Шейн тоже будет жить там. Поэтому на текущий момент мне больше не хотелось заводить новых отношений.

Когда я заканчивала домашнее задание, зазвонил телефон. На экране высветилось имя моего сводного брата.

— Почему ты звонишь мне, если находишься в соседней комнате? — недоуменно поинтересовалась я.

— Привет, это Розали? — вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, спросил он.

— А? Что ты имеешь в виду? Ты же знаешь, что это я.

— Как дела? Ты занята сегодня вечером?

— Я думала, что мы собираемся взять фильм напрокат, — ничего не понимая, протянула я.

— Чёрт, Розали, ты не понимаешь намёков? Я пытаюсь пригласить тебя на свидание. *Офигеть!*

— Итак, ты занята сегодня вечером? — снова вернулся к образу Шейн.

— Сегодня я собиралась посмотреть фильм со своим сводным братом.

— Брось неудачника и пошли со мной.

— Что у тебя на уме?

— Всего лишь песня «Wine ‘em, Dine ‘em, Sixty-Nine ‘em»⁴.

— Ты мудака, знаешь это?

— Да, но ты меня всё равно любишь.

Да.

— Так что ты ответишь?

— Да, я пойду с тобой сегодня вечером.

— Я заеду за тобой в семь.

— Ты знаешь, где я живу? — Я сдержала смехок.

— Конечно. Мне сказал твой сводный брат.

Звонок в дверь раздался ровно в семь. Мой папа вместе с Джоанной ушли на вечеринку к друзьям, так что за исключением Шейна в доме я была одна. Чувствуя себя как никогда глупо, я надела своё любимое платье. Шейн назвал эту встречу свиданием, и я была просто обязана убедиться, что выгляжу отлично.

— Шейн! Можешь открыть? — крикнула я.

Никто не ответил. Вместо этого снова раздался дверной звонок. Кто, чёрт возьми, звонит в дверь? С обувью в руке я сбегала вниз по лестнице и дёрнула за ручку. По ту сторону порога, широко улыбаясь, стоял Шейн.

— Эй, красотка, — поприветствовал он.

— Что ты делаешь?

— Я сказал, что заберу тебя в семь. Не говори, что ты ещё не готова.

— Заткнись и заходи уже. Куда мы идём?

— У меня есть два варианта, но выбирать тебе. Мы можем сходить на ужин и в кино

⁴ Довольно пошлая песня американской группы «Eighteen Visions».

или можем остаться здесь.

— И это всё? Я разочарована — ожидала, что ты обязательно предложишь что-нибудь пошлое.

— Ну, если тебе интересно, мой грёбанный мозг может предложить вариант номер три.

— Так всё-таки этот вариант есть, — со смехом фыркнула я. — На самом деле я бы предпочла остаться дома и взять напрокат фильм.

— Бинго! Я плачу! — засмеялся он. — Как насчёт заказать еду из «Палермо»?

— Я только «за».

Я переоделась в джинсы и футболку, и, поужинав, мы перешли в гостиную, устроились на диване и посмотрели пару фильмов. Шейн вёл себя абсолютно нормально и естественно, и, хотя мы редко проводили время дома вместе, я совсем не чувствовала, что мы были на свидании.

— На самом деле я немного смущена, — осторожно начала я.

— Чем? Дерек Зуландер⁵ — это мужчина-модель, — медленно произнёс парень, чеканя каждое слово.

— Я не об этом, дурак. Мне казалось, ты не хочешь, чтобы между нами что-нибудь было.

— Право, я лежу голым со всеми своими сёстрами. — Шейн потянул мои ноги и положил их себе на колени, глядя меня по ноге.

— Тогда хорошо, что ты единственный ребёнок в семье.

— А если серьёзно, я много думал о нас. Слышал, что в некоторых странах это совершенно нормально — заигрывать со своей сестрой, так что, возможно, всё же стоит дать нашим отношениям шанс.

— Не могу поверить, что согласилась пойти с тобой на свидание, — удивлённо покачала головой я. — Ты ещё такой ребёнок.

Шейн выключил телевизор и повернулся ко мне, глядя на меня так, как мог только он. Я подумала о нашей ночи в гостинице и отвела взгляд на случай, если он всё же способен читать мысли.

— Я знаю, о чём ты думаешь. Я не забыл о той ночи, — произнёс Шейн хриплым голосом. — Или о любой другой ночи, когда спал в соседней комнате. Ты — всё, о чём я могу думать, Розали, не важно, сводная сестра ты мне или нет. — Он встал и открыл входную дверь. — Понятия не имею, как будет лучше. Но, пожалуйста, сделай мне одолжение, походи в свою комнату и запри дверь. Твоя кожа такая чертовски мягкая, даже простое прикосновение к твоей ноге далось мне с трудом. Я не хочу сделать то, о чём потом пожалею.

Он вышел на улицу, а я встала, собираясь пойти за ним, но остановилась на полпути. Мне не хотелось, чтобы потом он жалел о содеянном.

Я направилась к себе в спальню и, как он и просил, заперла дверь. А забравшись в кровать в надежде уснуть, долго лежала в темноте и смотрела на потолок, прислушиваясь к тому, что происходит в доме.

За окном от ветра скрипнул затвор. Мимо проехал автомобиль. В коридоре эхом раздались шаги Шейна, когда он прошёл в свою комнату. Я потеряла счёт времени, но ничего из этого не имело значения, потому что могла думать лишь о его обнажённом теле, лежащем на мне. Закрыв лицо подушкой, я попыталась уснуть.

Бам, бам, бам.

Что это было? Я отодвинула подушку в сторону и прислушалась, но ничего не слышала. Наверное, на чердак забралась белка.

Бам, бам, бам.

Теперь я узнала этот звук. И, прислушиваясь, встала перед закрытой дверью ванной.

⁵ Дерек Зуландер — главный герой фильма «Образцовый самец» (англ. Zoolander) 2001 года выпуска.

— Шейн? — прошептала я.

Бам, бам, бам.

Я приоткрыла дверь. Шейн был в джинсах, но уже без рубашки. Обхватив моё лицо руками, он прижался своими губами к моим. Я обвила руки вокруг его шеи, и когда он поднял меня, обхватила его ногами вокруг талии.

Шейн положил меня на кровать, отбросив свои джинсы прочь, и они упали на пол. Его тело выглядело ещё более соблазнительным в лунном свете. Откинув одеяло, я подвинулась, и он лёг рядом со мной в постель.

— Ты передумал? — решила уточнить я.

— Тсс. Ты слишком много разговариваешь, — улыбнулся парень, а затем снова поцеловал меня. — Меня не волнует, чей это дом, не волнует, что ты моя сводная сестра, я просто хочу быть с тобой.

Пока мы лежали на боку, Шейн целовал меня в плечо, а потом быстро стянул мою ночную рубашку и швырнул её в сторону, прижимая меня к своему твёрдому, как камень, телу. Мои руки блуждали по нему, то оглаживая сильные мышцы спины, то спускаясь до упругой задницы.

Когда я откинулась на кровать, его губы нашли мои, и он мгновенно углубил поцелуй. Рука Шейна скользнула по моей груди, и я, желая большего, выгнулась, прижимаясь сильнее к его ладони. Его пальцы двинулись по изгибам моего тела по направлению к бедру, где нашли край моих трусиков, и все мои запреты мгновенно отошли на задний план.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, — тяжело дыша, ответила я, удивляясь тому, что он наконец-то перестал меня мучить.

Его пальцы сжали край моего бикини. Я посмотрела в его напряжённые глаза и скользнула ладонью вниз к его твёрдому члену. Обхватив его, начала медленно двигать рукой вверх-вниз, пока он не спеша стягивал с меня трусики. Он определённо был тем ещё садистом.

Моё тело задрожало, когда его губы скользнули по моей груди и через пару мгновений обхватили сосок. Он сосал его медленно, потом грубее, кусая жёсткий комочек перед тем как уделить внимание его близнецу. Я застонала, когда моё тело задрожало от желания.

— Я не знаю, не чувствую, что ты действительно хочешь этого.

Я двинула рукой быстрее по его члену, но он остановил меня и покачал головой, словно ругая. Мои трусики съехали вниз, и я стянула их, откинув в сторону. Я готова была наброситься на него, когда он положил свою руку поверх моего холмика.

— Как сильно тебе это нужно? — поинтересовался он с лукавой усмешкой.

— Ты правда собираешься заставить меня умолять?

— Может, я просто очень хочу услышать, как сильно ты хочешь ощутить меня внутри своей мокрой киски.

Он скользнул пальцем в меня, и я задохнулась от ощущений. Все грязные разговоры, всё время, проведённое с ним в течение последних нескольких недель, были словно прелюдией для меня.

— Пожалуйста, — выдохнула я.

Шейн потянулся к своим джинсам и вытащил презерватив. Разорвав упаковку зубами, он достал его и быстро раскатал по всей длине своего члена.

Когда его твёрдость коснулась моей киски, его губы накрыли мои. Я чувствовала давление головки члена на мой вход, пока он продолжал целовать меня. Когда Шейн вошёл полностью, я застонала.

— Ты такая чертовски тугая, — простонал он, прежде чем начать двигать бёдрами быстрее.

Каждое движение подталкивало меня всё ближе и ближе к краю. Не было ничего

сладкого в том, чем мы занимались в данный момент — это была чистая похоть и желание. С моих губ сорвался стон.

— Мне нравится заставлять тебя стонать, — прошептал Шейн.

Потянув мои бёдра вверх, он начал входить в меня ещё глубже. Наши тела стали скользкими от пота. Я готова была выкрикнуть его имя, когда услышала, что внизу открылась дверь.

— Дерьмо, они дома, — выругалась я. — Мы попались.

— Нет, если будем вести себя тихо.

Когда наши родители вошли в дом, Шейн замедлил свои движения. И хотя мысль о том, что мы можем попасться, беспокоила меня, он продолжал входить в меня, подводя всё ближе к краю.

— Я уже близко, — прошептала я.

Когда его член начал двигаться ещё быстрее, я услышала шаги наших родителей, проходящих по коридору мимо моей двери. Моя киска сжалась, плотно обхватывая член Шейна, когда волна оргазма пробежала по всему моему телу, и он накрыл мой рот своим, напористо целуя.

Я застонала, но его губы заставили меня замолчать. Пока моё тело дрожало под ним, он выдохнул в подушку позади меня и несколькими глубокими толчками довёл себя до оргазма.

Тяжело дыша, мы лежали в объятиях друг друга, и лунный свет сверкал на наших телах. Услышав хлопок закрывающейся двери в спальне наших родителей, мы наконец-то выдохнули и рассмеялись.

Погладив мою руку, он нежно меня поцеловал. Когда я посмотрела в его глаза, то подумала, что он чувствует то же, что и я. Я не могла влюбиться в Шейна ещё сильнее, ведь и так уже любила его больше всего на свете.

В течение нескольких месяцев мы проводили вместе все субботние вечера, принося в отель еду и оставаясь там, пока не наступало время отправляться домой. Мы не всегда занимались сексом, нет, настоящая причина была совсем иной. Мы ездили в отель, чтобы просто побыть вместе, не беспокоясь, что кто-то подумает о нас что-то не то.

Ни один из нас не знал, как наши родители относятся к тому, что мы встречаемся. Джоанна, казалось, ничего не замечала, но у меня было стойкое чувство, что мой папа догадывался о происходящем между нами. Приходилось делать вид, что Шейн абсолютно ничего для меня не значит, в то время как единственное, о чём я могла думать всё это время, — как прекрасно лежать в его объятиях. С каждым месяцем скрываться становилось всё труднее и труднее.

Темноту номера нарушал только льющийся от экрана телевизора свет. Пока мы смотрели старый фильм, я лежала в объятиях Шейна. Наши ноги были переплетены под одеялом, а моя голова лежала на его голой груди. Мне нравилось быть обнажённой рядом с ним, это казалось таким естественным. Я не испытывала неловкости или неудобство из-за своей внешности, наоборот, рядом с ним чувствовала себя красивой.

Когда фильм закончился, я тяжело вздохнула. Было почти за полночь — пора возвращаться домой и снова надевать ставшие уже такими привычными маски.

— Что такое? — поинтересовался Шейн.

— Что?

— Ты вздохнула. Что-то не так?

— Нет, всё замечательно. Просто ненавижу то, что мы должны уехать отсюда.

— Знаю, я тоже. Я бы всё отдал, чтобы быть твоим парнем семь дней в неделю, а не только одну ночь.

Я посмотрела на него снизу вверх, и он наклонился ко мне, толкая на подушку. Его губы накрыли мои, и я постаралась прижаться к Шейну как можно сильнее. Когда наши языки встретились, я вспомнила о времени и о том, что будет завтра. Неохотно отстранившись, мягко улыбнулась ему.

— Что-то не так? Тебя что-то беспокоит, да?

— Завтра мне нужно зайти к моей матери. Она позвонила мне на днях, сказала, что убралась в доме, и если я не заберу свои вещи, она их выбросит. Большинство вещей, о которых она говорила, из моего детства, и они не важны для меня сейчас. Но у неё осталась моя кукла-принцесса. Я не хочу туда идти, но куклу забрать надо.

— Я могу пойти с тобой, — предложил Шейн.

— В самом деле?

— Конечно. Ты же знаешь, я всё сделаю для тебя.

На следующее утро я остановила машину у тротуара перед домом моей матери. Прошло больше шести месяцев с тех пор, как я покинула этот дом, но стоило мне собраться выйти из машины, и все мои страхи мгновенно вернулись, словно всё произошедшее здесь случилось лишь вчера. Шейн, должно быть, заметил мою нерешительность, потому что накрыл мою руку, лежащую на руле, своей и осторожно сжал её.

— Я рядом, — прошептал он. — Ничего страшного не произойдёт.

Мы вышли из машины и направились по дорожке к крыльцу дома. Было тихо, и не видно ни одной машины на дороге.

— Не думаю, что в доме кто-то есть, — с сомнением протянула я.

Я позвонила в дверь, но так и не дождавшись ответа, вставила ключ в замок, открывая её. Несколько ящиков с моим именем были сложены возле самого входа.

— Давай просто заберём их все, — предложила я. — Я зайду в дом и оставлю маме записку, чтобы она знала, что я заезжала.

Шейн понёс коробки в машину, и тут к дому подъехала моя мать. Когда она вошла

внутри, я всё ещё писала записку.

— Хорошо, что ты нашла свои вещи, — холодно произнесла она. — Думаю, это всё, что осталось. Я случайно выбросила некоторые из твоих коробок, так что больше ничего нет.

— Спасибо, мам.

Я не знала, как мне себя с ней вести. Она всегда была раздражена и холодна, когда говорила со мной, и мне не хотелось сказать что-нибудь не то, дабы не разозлить её.

Оставалась всего одна коробка. Я задалась вопросом, почему Шейна нет так долго, и тут поняла, что моя мать приехала не одна. Лёд побежал по моим венам, когда я выглянула на улицу и увидела Джима, разговаривающего с Шейном. Даже из дома я могла видеть, что отчим пытается запугать парня.

Джим говорил и в то же время медленно приближался к Шейну, неуклонно сокращая расстояние между ними. В какой-то момент мужчина поднял руку и толкнул парня в плечо, указывая ему на дом. Глаза Шейны были сужены, а кулаки сжаты.

Я схватила последнюю коробку и, налетев на дверь, открыла её бедром. Вышла на улицу, и до меня донёсся голос Джима, но я так и не смогла разобрать ни единого слова за исключением последнего.

— ...влагалища, — сказал Джим.

Кулак Шейны прилетел в лицо моего отчима. Джим упал на землю, схватившись за нос. Когда он снова посмотрел на парня, по его подбородку текла кровь.

Разъярённый взгляд Шейны в тот момент был подобен взгляду дикого, готового к нападению зверя. Я быстро сунула последнюю коробку ему в руки, пока он продолжал нависать над Джимом, но этого оказалось недостаточно, чтобы отвлечь его. Взгляд парня был неотрывно прикован к лежащему на земле мужчине. Я знала, что он собирался сделать следующий шаг.

— Пойдём, — позвала я.

Схватив парня за руку, я потянула его прочь от застывшего отчима. Бросив на меня короткий взгляд, Шейн снова посмотрел на Джима. Он сделал шаг назад и быстро убрал коробку в багажник, а затем сел в машину. И я тут же нажала на педаль, уезжая как можно быстрее.

Меня начало трясти, и я не могла сосредоточиться на дороге. Мой папа жил всего в квартале отсюда, но я была слишком растеряна, чтобы ехать сейчас туда. Поэтому остановила машину перед близлежащим парком.

— Ты в порядке? — спросил Шейн.

— Всё будет хорошо. Я просто потрясена.

Обхватив моё лицо руками, Шейн заглянул в мои глаза.

— Прости, что потерял там контроль, — извиняющимся тоном произнёс он. — Этот мужик — грёбаный мудака. Ему повезло, что я ограничился лишь ударом.

— Что случилось? Я писала записку для мамы, когда она вошла в дом.

— Твой отчим вышел из машины и спросил, являюсь ли я твоим новым парнем. Я сказала ему, что я твой сводный брат, на что он ответил, что для него не имеет значения, кто я. И что он просто собирается предупредить меня о тебе.

— Предупредить тебя?

— Да, предупредить меня о том, какая ты безответственная и ленивая и о многом другом. Нёс всякий бред. Я в курсе, что ты поддерживала их, но он, видимо, думал, что я ничего не знаю.

— Это ведь не всё, что он тебе сказал, правда?

— Не думаю, что тебе стоит знать остальное.

— Расскажи. Мне это нужно.

— Он говорил о том, какое изящное у тебя бельё. А потом сказал...

— Продолжай. Думаю, я знаю, что он сказал. Я слышала последнее слово.

— Он сказал, что скучает по запаху твоего...

— Влагилица, — закончила за него я. — Моя мать постоянно говорила мне об этом. Ну, вроде того. Говорила, что ненавидит меня, что я последняя шлюха, и что мужчины могут чувствовать мой запах, как собаки в период течки.

— Она грёбаная сука.

— Жаль, что тебе пришлось услышать всё это. По крайней мере, мы быстро оттуда уехали. — Я улыбнулась.

— Ты хорошо держишься.

— К сожалению, я к этому привыкла. Но это было не единственной причиной, почему я переехала к отцу. Я не могла больше оставаться там, и, думаю, теперь могу пообещать себе, что больше никогда не увижу Джима снова. — Одного только обещания было достаточно, чтобы я успокоилась. — Можешь рассказать мне что-нибудь? Что ты почувствовал, когда ударил его?

— После того, что говорил о тебе, он заслуживает большего, чем просто удар. Но это действительно принесло мне несказанное удовольствие.

— Не сомневаюсь. Я всегда хотела ударить его, избить и отколошматить битой.

— И это меня называют плохим мальчиком, — со смехом произнёс парень. — Я думаю, ты тоже можешь называться плохой девочкой. Мне следует вспомнить об этом в следующую субботу. — Он поднял бровь и с полуулыбкой взглянул на меня.

— Мм-м, я прослежу, чтобы ты не забыл.

Позже в этот же день я услышала с улицы разговор Шейна с каким-то мужчиной. Он был широкоплечим, высоким, в коричневом костюме. По его словам и манере поведения я предположила, что он полицейский. Оставшись у окна, я стала подслушивать, о чём говорят эти двое.

— Я сожалею, Пол, что потерял контроль, — извинился Шейн. — Он прошёлся по всем больным местам. Ему повезло, что я только ударил его.

— Нет, это не ему, а тебе повезло, что ты только ударил его, — произнёс Пол. — Я уговорил его не предъявлять обвинения, но что будет в следующий раз?

— Следующего раза не будет.

— Ты должен покинуть этот дом. Может, уехать куда-нибудь и начать всё с чистого листа.

— Я не могу, — сказал Шейн. — Без неё я никуда не поеду.

Мужчина покачал головой.

— Надеюсь, эта девушка стоит того, потому что я не знаю, повезёт ли тебе в следующий раз. Ты уже дважды влипал из-за неё в неприятности.

— Тот парень это заслужил.

— Это уже не имеет значения, на условно-досрочном находишься ты, а не он. Уезжай отсюда, поступи в колледж, сделай что-нибудь, чтобы не оставаться здесь. Скажи только слово, и я найду тебе какое-нибудь хорошее место. Ты неплохой парень, просто тебе нужен второй шанс. Подумай над моими словами.

Сев в машину, Пол уехал. А Шейн закурил и глубоко затянулся — с тех пор, как он вернулся, я впервые видела его с сигаретой. Я хотела выйти и поговорить с ним, но решила, что лучше оставить его в покое. У него и так было достаточно проблем из-за меня.

Прошла почти неделя с тех пор, как я подслушала разговор Шейна и Пола. Каждый день я хотела расспросить его о том, что он сказал тогда, но знала, что, если дождусь субботнего вечера, мы сможем поговорить более откровенно.

Мы ели в отеле принесённую с собой пиццу, и, когда я поняла, что в меня не влезет больше ни кусочка, решила начать разговор.

— Я слышала, как ты общался с тем мужчиной, Полом, на прошлой неделе, — начала я.

— Ты слышала наш разговор? Он мой надзиратель. Почему ты ничего мне не сказала?

Я пожала плечами.

— Не знаю, ждала, когда ты сам об этом заговоришь.

— И много ты слышала?

— Он советовал тебе уехать.

— Его слова не имеют значения, если я этого не хочу.

— Это из-за меня?

— Слушай, я знаю, что он прав. Знаю, в Джерси меня не ждёт ничего хорошего. Но старый Шейн в прошлом, и в его неудачах ты не виновата.

— Тогда тебе надо уезжать, не стоит оставаться здесь ради меня.

У меня защемило сердце. Я совершенно не хотела, чтобы он поступил так, как я сказала.

— Ты — главная причина, почему я ещё не сдался и не опустил руки, — медленно произнёс парень. — Я никуда не уеду без тебя. И Уоррену я ответил так же.

— Уоррену? Это тот парень из старшей школы?

Тот, которому ты сказал, что я для тебя никто?

— Ага, из неё самой. Он переезжает на запад, в Аризону, и спрашивал, не хочу ли я составить ему компанию. У него есть небольшой грузовик для перевозки своего хлама и друг, у которого мы можем перекантоваться, пока не найдём, где жить.

— И ты думаешь поехать?

— Нет, как и сказал, я никуда не поеду без тебя. Тебе нужно окончить колледж, это важно. Как ещё ты сможешь стать известной писательницей?

Я смогу стать ею где угодно, пронеслось у меня в мыслях. Ничего не сказав вслух, поскольку это всё равно ничего бы не изменило, я подумала, что не хочу мешать ему идти своим путём. Пол был прав: я создавала Шейну одни лишь проблемы.

— Когда уезжает Уоррен?

— Может, завтра, в крайнем случае, в понедельник. Да какая разница?

Неужели для Шейна действительно будет лучше уехать? Неужели Пол прав? Неужели его жизнь и правда станет лучше без меня? Мне захотелось отбросить все мысли в сторону и не думать об этом.

— Давай сменим тему, — попросила я.

— Конечно, если хочешь. — Его руки скользнули по моему телу, и он коснулся моей шеи, целуя меня. — Ты напряжена. Давай я помогу тебе расслабиться.

Подняв меня на руки, Шейн понёс меня к кровати. Медленно раздевая меня, он продолжал целовать, уделяя внимание каждому обнажённому сантиметру моего тела. Его губы двигались настолько нежно, что мне стало интересно: думает ли он сейчас об отъезде, как я, или о чём-то ином.

Ещё никогда его ласки не были такими нежными и чувственными. Я крепко прижалась к Шейну, желая, чтобы он никогда меня не отпускал.

Молча надев презерватив, парень быстро скользнул обратно в мои объятия. Мы не могли оторвать друг от друга взгляда, и я чувствовала, как напряжён его член у моего входа. Когда наши губы снова соприкоснулись, он аккуратно вошёл в меня. Медленно покачивая

своими бёдрами, Шейн продолжил меня целовать, останавливаясь только для того, чтобы пристально посмотреть мне в глаза.

В этот раз всё было иначе. С того первого раза ещё никогда наш секс не был таким чувственным, страстным и настолько размеренным. С каждым разом, как Шейн входил в меня, я чувствовала, как меня охватывает всё больше эмоций. В свой первый раз мы просто трахались, потом — занимались сексом, однако сегодня мы занимались любовью.

Во сне грудь Шейна плавно вздымалась в такт его дыханию. Было слишком рано, чтобы куда-то идти, но я всё ещё не могла достаточно расслабиться, чтобы уснуть. Все мои мысли крутились вокруг слов Шейна, сказанных накануне, и его разговора с Полом.

Очень странное совпадение, что Уоррен собирается уезжать именно завтра, словно сама судьба сказала ему, что пришло время сделать выбор. Аризона не то место, куда Шейн хотел бы уехать, но так он бы стал ближе к своей собственной цели — Калифорнии.

После ужасной жизни с бабушкой и того, что с ней связано, ему просто необходимо начать всё заново. И я ему для этого не нужна.

Пока мы лежали в тускло освещённом номере отеля, я думала о том, что сейчас, когда Шейн перестал угождать своей бабушке, он был готов для меня на всё. И я благодарна ему за это, хоть это и казалось неправильным. Ему необходимо начать жить своей собственной жизнью, начать жить для себя.

Пол был прав. Однажды мне удалось посадить его за решётку, а затем оттуда же его вызволить. Наверное, этому суждено было случиться.

Мысли о расставании с Шейной болью отдавались в груди. Я не хотела потерять его, едва обретя, но, может, так будет лучше. Если Шейн не хочет думать о себе и своей жизни, то за него это сделаю я. Мне нужно порвать с ним, и тогда у него появится право на жизнь, которую он действительно заслуживает.

Шейн проснулся около полудня. Я положила руку ему на пресс и, пока он зевал, плавно подобралась пальчиками к его груди.

Возможно, я дотрагивалась до него в последний раз.

— Я думал о нашем вчерашнем разговоре, — садясь на кровати, начал он. — Этот учебный год почти закончен, ты можешь перевестись в другой колледж, в Калифорнии. Уехав с Уорреном, я найду подработку и накоплю немного денег, так что к твоему приезду всё будет готово.

— Сменить колледж? Я... Не знаю.

Я никогда не задумывалась об этом, но, тем не менее, даже это не смогло изменить моего решения. Шейну нужно устроить свою собственную жизнь и найти свой путь. Если рядом буду я, у него ничего не получится.

— Скажи мне, что приедешь, Розали. Я не хочу уезжать без тебя. Ты — вторая половина моего сердца, моей души. Вся моя жизнь вела меня к тебе. И я не смогу уехать без тебя.

— Ты должен сделать это ради себя. Должен поехать с Уорреном. Перестань думать обо мне. Ты должен стать счастливым.

— Я счастлив благодаря тебе. Я ничто без тебя, так зачем мне уезжать, когда ты здесь?

— Я... Не могу уехать. Мне нужно окончить учёбу здесь. Я не могу с тобой уехать, Шейн.

— Что ты хочешь этим сказать? К чему ты ведёшь?

— Я не совсем понимаю, что говорю, но... Но тебе следует уехать и, как и сказал Пол, начать новую жизнь подальше от меня.

— Но я люблю тебя. И единственное, чего я хочу, — это быть с тобой, — медленно произнёс Шейн.

Я так давно мечтала услышать от него эти слова. Всегда знала, что где-то глубоко внутри он испытывает ко мне такие чувства. Но не могла ответить ему тем же. Сделай я так, он бы никогда не уехал. Поэтому мне нужно было сказать ему что-то такое, что заставило бы его всё бросить и начать жить той жизнью, которую он заслуживает.

— Я встретила другого, — твёрдо сказала я.

И даже произнеся эти слова, я безумно хотела вернуть их обратно. Он ничего не ответил, только одарил меня своим пронизывающим, холодным взглядом. Я не смела смотреть ему в глаза, а то он бы тут же понял, что я соврала. Поэтому, отвернувшись, уставилась в окно.

В комнате повисла оглушительная тишина. Шейн поднялся с кровати и встал напротив меня. Тяжёлый взгляд его слезящихся глаз был подобен ножу, вонзившемуся в моё сердце.

Он оделся и кинул мне мою одежду. Это было самое ужасное расставание, которое я только могла себе представить. А ведь нам ещё предстояло ехать вместе в одной машине и жить под одной крышей. Или, хуже того, он уедет, всем сердцем ненавидя меня за эти слова.

Когда я припарковала машину возле нашего дома, Шейн снова бросил на меня болезненный взгляд. Его челюсти были сжаты, а глаза оставались всё такими же красными.

— Твои слова меня разочаровали, — начал он. — Я уезжаю завтра. Надеюсь, тот конченный ублюдок знает, насколько ты особенная.

Он хлопнул дверью автомобиля и, не оглядываясь, пошёл к дому.

Что я наделала? Мне не хотелось, чтобы он уезжал. Хотелось, чтобы он остался. Но мне следовало внушить себе, что так будет лучше, лучше для него.

Я сдержала слёзы и подавила все свои эмоции.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала ему вслед.

Шейн уехал рано утром, когда я ещё спала. Он оставил записку матери, давая тем самым знать, куда направляется, чем собирается заниматься и что будет оставаться на связи. Он никогда не прощался.

Я была опустошена, сломлена и ничего не понимала. Его отъезд полностью разбил меня, но я сама была в этом виновата. Постепенно моё бешено бьющееся при виде него сердце прекратило свой сумасшедший ритм. Я погрязла в учёбе и закончила её досрочно. Годами я ждала хоть какого-нибудь знака, упоминания о Шейне, однако ничего не было.

Но вот однажды, четыре года спустя, мой отец произнёс слова, благодаря которым моё сердце снова забилося чаще.

— Шейн возвращается.

Часть III
Сердце никогда не забывает

Четыре года спустя

После окончания колледжа я, как и обещала Шейну, переехала в Калифорнию. Не проходило ни дня, чтобы я не думала о нём. Столько лет его не видела, но всё ещё помнила каждый день, проведённый вместе с ним, как будто это было лишь вчера.

Спустя некоторое время после моего выпуска, отец и Джоанна развелись, однако продолжали общаться уже как друзья. Когда мы ещё жили вместе, мне очень хотелось расспросить Джоанну о её сыне, но было неловко задать такой вопрос, поскольку сама она никогда не говорила о Шейне с тех пор, как он покинул наш дом, и даже не упоминала о нём в разговорах. Во время учёбы в колледже я встречалась с несколькими парнями, но ни один из них не запомнился мне и не запал в душу.

За эти годы у меня выработалась стойкая привычка сидеть в интернете и искать информацию о Шейне, но не нашлось ничего, ни единой зацепки. Словно он никогда и не существовал, а был лишь плодом моего воображения. Не найдя его в социальных сетях, я всё ещё продолжала надеяться, что снова смогу увидеть Шейна, взглянуть на него хоть одним глазком, узнать, как у него дела. Правильно ли я сделала, отпустив его?

Я понимала, что нужно остановиться, прекратить всё раз и навсегда, но сделать это было очень непросто. Я постоянно думала о своих чувствах к нему, пока однажды на одной из ночных прогулок со своими друзьями не познакомилась с Дэвидом. Конечно же, он не шёл ни в какое сравнение с Шейном. Дэвид был худым и высоким, с великолепными аккуратно уложенными тёмными волосами. Парень был не по возрасту серьёзен и редко шутил. Он оказался полной противоположностью моего идеала, но по необъяснимым причинам я не бросила его сразу, продолжив с ним встречаться.

Когда зазвонил телефон, Дэвид смотрел фильм у меня в квартире. Подняв мобильник, я собиралась отключить звук, но парень выхватил телефон у меня из рук.

Посмотрев на определитель номера, я удивилась: звонила мама. Как правило, мы могли не разговаривать годами, если я не звонила ей сама. Когда телефон зазвонил вновь, по моему телу побежали мурашки.

— Ты собираешься взять трубку? — поинтересовался Дэвид.

— Алло? — ответила я.

— Розали? Это твоя мама.

— Э-э... Привет, мам.

Я не знала, о чём говорить. С чего она вдруг решила позвонить? Может, хотела что-то от меня, вряд ли бы она стала звонить просто так.

— Джим умирает, — начала мама. — Два года назад ему диагностировали рак лёгких, а теперь эта болезнь поразила и мозг. Врачи говорят, что ему осталось не больше месяца.

— Мне очень жаль. Ты в порядке?

— Всё хорошо. Ему трудно справляться со своей болезнью, он очень зол, и я не хотела быть свидетелем всего этого, поэтому уехала путешествовать.

— Путешествовать? А кто же тогда о нём заботится?

Дэвид свирепо посмотрел на меня, и я, встав с дивана, направилась на кухню.

— Он взрослый человек и может сам о себе позаботиться, — спокойно ответила мама. — Я только что вернулась из Скотсдейла. Теперь понимаю, почему ты так стремишься на запад, там прекрасно.

— Ты туда одна ездила?

— Да, но там я встретила одного своего друга.

— О, Глэдис?

— Нет, Джонни. Мы познакомились с ним в «Фейсбуке».

— Хочешь сказать, он твой новый ухажёр? А как же Джим?

— Я же уже сказала тебе, он умирает. А Джонни очень милый, у него большой дом, и он осыпает меня комплиментами.

— Э-э-э... Ну ладно, поздравляю, мам.

Хорошо, что хоть у кого-то ничего не изменилось.

— В общем, Джим просил передать тебе его просьбу. Навести его во Флориде, пока он жив. Он хочет поговорить с тобой.

Поговорить со мной? Да ни за что, никогда в жизни!

— Нет, мам. Извини, но я не могу.

— Ты всегда была неблагодарной девчонкой.

— Неблагодарной? А что он сделал такого, чтобы я была ему благодарна? Ты знаешь, какие он вызывал во мне чувства, знаешь, какие вещи творил, и ты ни разу даже не попыталась остановить его.

— Он был моим мужем. А женщина всегда должна потакать желаниям своего мужчины.

— Значит, вот чем ты занимаешься с Джонни?

— Это другое. Всё равно Джим больше не сможет выполнять свои супружеские обязанности.

— Не могу поверить, мама. Я просто не могу в это поверить.

— Так ты приедешь? Можешь пожить у нас в комнате для гостей.

Пока я слушала её, меня всю трясло. Я никогда не отказывала ей, боясь последствий. Но теперь, услышав её после стольких лет и осознав, что ничего не изменилось, не на шутку разозлилась.

— Ты меня вообще слышишь? Долгие годы мне казалось, что ты ненавидишь меня. Тебя волновали только прихоти Джима и их удовлетворение. Как ты вообще могла так со мной поступить? Ты моя мама, ты должна была быть моей защитой и опорой.

Я сдержала подступившие слёзы. Так много их было пролито из-за мамы и отчима, что горевать по этому поводу больше не хотелось.

— Я сожалею, что заставила тебя это чувствовать, Розали. Джим любил тебя, всегда любил. Он постоянно говорил о вашей встрече на парковке, когда ты хотела прогулять занятия. Он думал, что ты будешь маленькой прекрасной девочкой. Но ты всегда была лишь маленькой сучкой.

— Много лет назад я поклялась, что больше никогда не увижусь с Джимом. Помнишь мои ночные кошмары? С тех пор как я дала себе это обещание, они прекратились. Поэтому извини, но я ни за что и никуда не полечу — ни ради него, ни ради тебя.

И, прежде чем она успела что-то ответить, я сбросила вызов. Она бы никогда не извинилась и не сказала то, что должна говорить мать своей дочери. Всё было совершенно не так, как она себе представляла. В этой жизни она заботилась только о себе и своих желаниях.

Моё тело тряслось от злости и воспоминаний о боли, которую мне причинили в прошлом. Грудь болезненно сжало от нахлынувших эмоций. Я вернулась в гостиную, где Дэвид всё также смотрел телевизор.

— Наконец-то, — произнёс он. — А где же мой поцелуй?

Показав на свою щёку, он нетерпеливо посмотрел на меня. Глубоко вдохнув, я крепко обняла себя. *Он точно такой же, как и мой отчим.*

— Убирайся из моей квартиры, — коротко, словно отрезав, бросила я.

— Что?

— Ты слышал. Убирайся. Всё кончено. Больше никогда не хочу тебя видеть.

— Чокнутая сука, — поднимаясь, зло ответил он.

Уходя, парень с силой хлопнул дверью. Как только он скрылся из виду, я сразу же почувствовала облегчение, и не только от осознания того, что ошибалась в Дэвиде, но и потому, что наконец-то смогла постоять за себя в разговоре с мамой. Настало время забыть о кошмарах и двигаться дальше.

Спустя два месяца после расставания с Дэвидом я заметила, что теперь думаю о Шейне намного чаще. Снова зайдя на «Фейсбук», я начала активно просматривать все странички с именем Шейн Вентана и вдруг наткнулась на фотографию, от которой у меня перехватило дыхание. На фото Шейн с улыбкой обнимал за талию темноволосую девушку.

Вот же стерва!

Я ненавидела её. Хотя и не знала ничего, что позволило бы мне её ненавидеть. Да и вообще, чем меньше мне о ней известно, тем лучше. Не сумев покинуть страницу Шейна, я пролистала вниз несколько постов на его стене, а потом залезла в фотоальбом. Он был не очень активным пользователем, что немного расстраивало. Но как только я заметила ссылку на профиль девушки, с которой он встречался, то, не задумываясь, кликнула на неё.

Его новую пассию звали Изабель ДеЛео. *Какое совпадение, у нас даже фамилии одинаковые.* Она выглядела довольно милой. *Вот сука!* Как и у меня, у неё были светло-каштановые волосы и тёмные глаза. Правда, она намного стройнее меня. *Дважды сука!* Почти на каждой их совместной фотографии она смотрела на Шейна влюблёнными глазами. *Удачливая дрянь.*

Судя по всему, сейчас они жили вместе в Вирджинии. *В Вирджинии для влюблённых. Чёртова Вирджиния!* Пролистывая страницу дальше, я снова и снова натыкалась на одно очень знакомое название города. Понадобилось пару минут, чтобы, пробив его по поисковику, осознать, что название города, где они обосновались, очень созвучно с названием города, в котором жила я. Это определённо что-то да значило. Иначе чем объяснить такое сказочное совпадение, что где-то за пять тысяч километров отсюда он снова поселился в том же городе, что и я, только в другом штате?

На глаза навернулись непрошенные слёзы. У меня никак не получалось успокоиться. Грудь сковало болью, и стало невозможно дышать. Я снова вспомнила вкус его губ. Как он мог двигаться дальше после всего, что было? Он должен был быть так же несчастен и одинок, как и я.

Похоже, можно официально заявлять, что я свихнулась. Ибо не было никаких других объяснений моему безумному поведению, впрочем, я всё равно ничего не могла с этим поделать. Взяв в руки телефон, я набрала Ноэль. Сейчас мы уже не так близки, как много лет назад, но в данный момент она была единственной, кто способен понять мои безумные мысли.

— Алло? — промямлила Ноэль.

— Ой, прости, пожалуйста, я совсем забыла про разницу во времени.

— Да нет, всё в порядке, у нас ведь всего лишь середина ночи, — мягко засмеялась она. — Всё хорошо?

Я вздохнула.

— Ты подумаешь, что я сошла с ума.

— Я уже давно знаю, что ты спятила, так что ты меня не удивила.

— Ладно-ладно, но всё же. Мне нужно с кем-нибудь поговорить, и ты единственная, кто сможет меня понять. Я сейчас пришлю тебе ссылку.

— Что там?

— Я нашла Шейна в «Фейсбуке».

— Да ну нахрен? Он всё так же горяч?

— Ага, точь-в-точь как раньше. Разве что волосы подстриг покороче и нашёл девчонку, которая, кажется, прямо прилипла к нему.

— Жесть! Он что, женат?

— Нет, они просто встречаются. Больно даже говорить об этом. Ты получила ссылку?

— Мм-м, Изабель ДеЛео? Твоя родственница?

— Офигеть, да? У меня такое чувство, будто моя жизнь проёбана, и нет, насколько мне известно, такой родственницы у меня точно нет. Кроме того, прикинь, города, в которых мы проживаем, имеют практически идентичные названия. Правда, они находятся в разных штатах, но это всё равно так странно.

— И правда, очень странно, — заключила Ноэль и ненадолго замолчала, просматривая профиль новой подружки Шейна. — Симпатичная. Та ещё стерва, правда?

— О да, — со смехом подтвердила я.

— Ты намного красивее её.

— Ты не должна говорить это.

— Нет, ну правда. Ты кинула ему заявку в друзья?

— Нет, я не могу.

— Всё хорошо?

Я кивнула, зная, что Ноэль не сможет увидеть этого через трубку. Всё равно этот кивок был ложью. Хотя я и сказала себе, что в порядке, горло сжалось, а сердце защемило. На глаза навернулись слёзы, но мне удалось их сдержать.

— Я ненавижу то, как закончились наши отношения. Ненавижу, что солгала ему. И больше всего ненавижу, что, приходя на свидание, начинаю сравнивать и вспоминать те дни, когда мы были вместе с ним в гостинице и ели наше любимое мороженое.

— По-моему, это нормально. Ведь он твоя первая любовь.

— Единственная любовь. Я всё ещё люблю его, Ноэль.

— Тогда отправь ему заявку. Напиши сообщение.

— Нет, посмотри на него. Он счастлив. Не знаю, что он чувствовал ко мне, но моя любовь к нему слишком сильна и сейчас вызовет одни лишь проблемы.

— Я бы не была такой благородной, — вздохнула Ноэль.

— Сказать честно, дело не только в этом. Мне больно смотреть даже на его фото. Не могу представить, что буду чувствовать, когда он скажет мне, что счастлив или любит другую. Я этого не вынесу.

— Тогда заблокируй его. А то так и будешь мучить себя.

— Ладно, давай спать. Я позвоню тебе завтра.

— Спокойной ночи, — зевнув, попрощалась подруга.

Недолго думая, я добавила его страницу в закладки.

Как бы я ни пыталась не заходить на «Фейсбук», но всё чаще ловила себя на том, что постоянно проверяю страницу Шейна, смотрю, не выложил ли он что-то новое, а также просматриваю профиль Изабель, поскольку её лента обновлялась чаще. Когда я сидела, просматривая новые фотографии, зазвонил телефон.

— Алло?

— Привет, Розали. Это папа.

— Привет, пап. Как ты?

— На самом деле, поэтому я тебе и звоню. Пообещай, что не будешь нервничать, но мне нужно тебе кое-что сказать.

— Что-то случилось? Ты в порядке? Ты заставляешь меня волноваться.

— Всё хорошо, но я хотел тебе сказать, что у меня был инсульт. Врач объяснил, что это был микроинсульт.

— Боже мой! Когда?

— Около месяца назад.

— Месяца? И ты говоришь мне об этом только сейчас?

— Ну, я вроде говорил тебе об этом. Помнишь, когда рассказывал, что упал в обморок во время пробежки.

— Но ты сказал, что всё хорошо, ничего серьёзного.

— Это действительно так. Просто я не хотел тебя волновать. Однако Джоанна настояла, чтобы я тебе рассказал.

— Я скоро буду, — перебила я, открывая ноутбук. — Сейчас посмотрю расписание на ближайшие рейсы. Не могу поверить, что ты мне ничего не сказал.

— Тебе не надо приезжать, говорю же, со мной всё хорошо. Когда это случилось, я несколько дней провёл в больнице, но ты ведь помнишь, мы постоянно созванивались.

Мне хотелось придушить отца за такие слова. Но он был прав, мы действительно созванивались с ним каждый день, правда, он ни разу не обмолвился о том, что произошло на самом деле. Как хорошо, что папа поддерживает с Джоанной дружеские отношения, ведь если бы не она, я бы так ничего и не узнала. А пока мне нужно найти билет на ближайший рейс и лично убедиться, что с папой действительно всё хорошо, как он и говорит.

— На сегодня есть вечерний рейс. Так что буду поздно.

— Дай мне знать, когда прилетишь. Я встречу тебя в аэропорту.

— Нет, пап. Ты не поведёшь машину. Позвони Джоанне и спроси, сможет ли она забрать меня.

— Хорошо-хорошо. Пообещай, что позвонишь, как только приземлишься.

Плюс плохих новостей в том, что они помогают отвлечься. А самый большой плюс шестичасового перелёта в том, что в это время у тебя нет никакого доступа к «Фейсбуку». Благодаря этому я наконец-то смогла заняться книгой, над которой работала уже долгое время. Но, к сожалению, чем больше я писала, тем больше посвящала её Шейну.

Похоже, мне просто необходимы перемены.

Была уже почти полночь, когда самолёт приземлился в аэропорту. Я не хотела, чтобы отец сел за руль в такое время, лишь бы забрать меня, но обещала позвонить. Как только прозвучал сигнал, что можно отстегнуть ремни безопасности, я набрала номер отца.

— Привет, Розали. Хорошо долетела?

— Да, неплохо. Даже почти избежали турбулентности. Слушай, тебе не нужно меня забирать. Уже довольно поздно, я возьму такси.

— Да, уже достаточно поздно, но я не выезжал встречать тебя. Он уже на месте?

— Я сейчас выхожу из самолёта. Кто уже на месте?

— Шейн. Шейн поехал встретить тебя.

Отлично, кажется, у меня галлюцинации.

— Что? Кажется, связь пропала. Что ты сказал?

— Что Шейн поехал встретить тебя. Он уже должен быть на месте. И заберёт тебя.

Я повесила трубку и посмотрела на возникшую передо мной очередь из людей, желающих как можно скорее сойти с самолёта. *Может, стоит что-то предпринять? Я выгляжу дерьмово как никогда. И бог знает, что творится у меня на голове. Да что он вообще здесь делает?*

Как только я сошла с трапа, началась безумная возня. Выбравшись из этой суматохи, я села в зале ожидания, чтобы успокоить дыхание. Моё сердце колотилось, как бешеное, на мгновение я даже подумала, что заболела.

Да что со мной не так?

Глубоко вдохнув, я направилась в дамскую комнату и посмотрела на себя в зеркало. Ополоснув лицо водой, полезла в сумочку в надежде найти там хоть какую-нибудь помаду, чтобы придать себе более-менее приемлемый вид. Собрала волосы в высокий хвост и, затянув их резинкой, поправила пряди. Не идеально, но сойдёт.

Когда я проходила со своими вещами через раздвижные двери, моё сердце забилось сильнее. В этот момент я осознала, какой никчёмной была моя жизнь без него. Конечно, я закончила колледж и переехала на другой конец страны, но на этом всё. Дальше моя жизнь словно стала бесцветной, окрасившись в чёрно-белые тона.

Пройдя пост охраны, я увидела стоящего посреди прохода с букетом цветов в руках Шейна. Он был одет в чёрные штаны и облегающую насыщенного баклажанового цвета рубашку. Благодаря зачёсанным назад волосам и очкам в чёрной оправе он выглядел ещё сексуальнее, чем прежде, хотя я не думала, что такое вообще возможно.

При виде меня Шейн широко улыбнулся. Подняв другую руку, он продемонстрировал белую табличку, надпись на которой гласила: «Принцесса Розали».

Моё сердце затрепетало так, словно я ожила, очнувшись ото сна. Когда я поспешила к нему, он направился в мою сторону и, бросив всё, поднял меня и повернул к себе. Со смехом повиснув на нём, я обвила руками его шею, и из моих глаз покатались слёзы.

— Чёрт, как же я рад тебя видеть, — сказал Шейн.

Он перестал сжимать меня в объятьях, но так и не выпустил из кольца своих рук. Неожиданно склонившись ко мне, парень поцеловал меня в губы. Мне оставалось лишь счастливо вздохнуть.

— Тсс... Никаких звуков, а то я не отвечаю за то, что могу сделать с тобой здесь и сейчас, — произнёс он.

Держи себя в руках, Розали. Ты. Не. Должна. Так. Вздыхать.

Шейн поднял букет цветов и торжественно вручил его мне. Затем он взял мою сумку и обнял меня за плечи, как будто так и должно быть. Вот только я так не думала. Мне всегда казалось, что такое невозможно в реальности и случается только в фильмах.

Он со своей девушкой так же себя ведёт? Вот же счастливая сука.

Пока мы шли из аэропорта, никто из нас не произнёс ни слова. Когда мы сели в машину, перед тем как поехать, Шейн снял очки и протёр их салфеткой.

— Когда ты начал носить очки? — поинтересовалась я.

— В колледже, чтение книг сильно сказалось на моём зрении.

— Ты учился в колледже?

— Разве твой отец не говорил тебе?

— Мой отец?

— Да, он здорово мне в этом помог. Я удивлён, что он ничего не рассказывал тебе.

— Кажется, я начинаю подозревать, что мой отец утаил от меня не только это, — задумчиво произнесла я.

— Я тоже ничего не знал про инсульт. Когда моя мать узнала об этом, то настоятельно попросила его рассказать обо всём тебе. Как только я узнал, то тут же сел в тачку и поехал к ним.

— Так ты теперь водишь?

На мгновение Шейн стиснул зубы и заметно помрачнел. Я знала, что он что-то скрывает от меня, и предполагала, что это связано с Изабель. Мне хотелось спросить, водит ли он машину один или она тоже садится за руль, но было интересно, расскажет ли он об этом сам.

— Последние два года я жил в Вирджинии, — начал он. — После нашей последней встречи я переехал в Калифорнию, и пока был там, решил поступить в колледж на Историю искусств. Быстро набрав нужные баллы и отучившись там несколько лет, я получил диплом бакалавра, но понятия не имел, что делать дальше. Твой отец посоветовал мне заняться преподаванием, так я переехал в Вирджинию, и мне наконец-то подвернулась удача.

— Почему именно Вирджиния?

— Потому что мне нужно было уехать куда-то, где ничего бы не напоминало о тебе.

От его слов у меня перехватило дыхание. Мне хотелось задать ему так много вопросов, но с моих губ не сорвалось ни слова. Я не могла определиться, ранили меня его слова или же разозлили, однако продолжала думать об Изабель и о том, когда же он, наконец, расскажет о ней.

Как только мы проехали мимо папиного дома, я с удивлением обернулась к Шейну, ожидая объяснений, но он не проронил ни слова.

— Куда мы едем? — спросила я.

— На наше место.

В отель? Серьёзно? И после стольких лет он ведёт себя так, как будто ничего не произошло, как будто ничего не изменилось?

— Туда я не поеду, — возразила я. — Это просто смешно, Шейн. Ты действительно думаешь, что я просто так пересплю с тобой после всего, что было?

— Я везу тебя в гостиницу совсем не для этого.

— О да, конечно же. Я что, похожа на дуру? Зачем бы нам ехать тогда именно туда?

— Потому что я остановился у своей матери, а ты — у своего отца, а мне кажется, нам надо поговорить.

— Нам не о чем разговаривать. У тебя есть девушка. Ты вообще собирался об этом упомянуть? Или думаешь, что всё, что было в Джерси, осталось в Джерси? Скажу тебе так: что бы ты ни думал, здесь далеко не Вегас.

— Ты серьёзно считаешь, что это всё, о чём я сейчас думаю? Что я бросил свои дела, забрал тебя из аэропорта посреди ночи, и всё это только ради секса? Спасибо большое, Розали. Я никогда не относился к таким парням, да и *сейчас* таким не являюсь.

— Тогда что насчёт того, что ты сказал раньше?

— Может, я и поступил неправильно, но это был просто флирт. Который не имеет сейчас никакого значения. Ты права, у меня есть девушка. Её зовут Изабель, и я сделал ей предложение. Но какая, нафиг, разница? Как насчёт тебя? Ты уже, должно быть, замужем. Почему не рассказываешь мне об этом замечательном счастливом мудаке, за которого ты вышла?

— Нет! Не говори ничего, не смей так со мной разговаривать. Я... Я даже не могу... Просто отвези меня домой. Сейчас же!

Я скрестила ноги и отвернулась к окну. Мне сейчас не хотелось даже находиться рядом с ним, не то что видеть его. *Он сделал ей предложение?*

Не смей плакать, Розали. Не. Смей. Плакать.

Я прикусила губу, чтобы сдержать слёзы, но они всё равно покатались по щекам. Я старалась дышать ровно. У меня не получалось сдержать эмоции, но я могла показать ему, какую боль причинили его слова.

— Розали, — мягко позвал меня Шейн. Его ладонь накрыла мою руку, но я отмахнулась от неё.

— Отвези меня домой, — коротко бросила я.

На следующее утро я проснулась от запаха папиных панкейков — его коронного блюда. Завязав волосы в небрежный хвост, я направилась на кухню, чтобы проверить, как же в действительности обстоят дела у папы.

— Ох, а вот и моя девочка, — улыбнулся отец.

Пока он переворачивал блинчики, я подошла к отцу и поцеловала его в щёку. Папа выглядел неплохо, казалось, он совсем не изменился за прошедший с нашей последней встречи год.

Как и всегда, папа привычно сел во главе стола, а я устроилась рядом с ним. Когда он поливал панкейки сиропом, его рука слегка тряслась. Если это худшее из проявлений его болезни, то, думаю, я смогу с этим смириться. Мой отец никогда бы не признался, что что-то не так, но сейчас я, по крайней мере, могла своими глазами убедиться, что ему и правда повезло, и сейчас у него всё в порядке.

— Всё хорошо? — спросил папа. — Кажется, тебя что-то беспокоит.

— Просто волнуюсь за тебя. Я рада, что всё обошлось. Обещай мне, что больше не будешь утаивать от меня подобное. Довольно тяжело находиться так далеко от дома.

— Ты что-то скрываешь от меня. Есть что-то ещё, ведь так?

Подняв взгляд от панкейков, я поймала мягкий отцовский взгляд, и в это мгновение на глаза снова навернулись вчерашние слёзы. Я не хотела плакать перед папой. Вообще ни перед кем не хотела. Закрыв лицо руками, я понадеялась, что он не станет расспрашивать меня. Заговори я об этом, то расплакалась бы ещё больше.

— Мне знакомы эти слёзы, — вздохнул отец. Пододвинув свой стул ближе ко мне, он прижал меня к груди. — Когда твоя мать ушла от меня, я тоже так плакал. Нет ничего хуже боли, причинённой любовью.

Папа погладил меня по голове, и это напомнило мне о временах, когда я была совсем маленькой, и он приходил утешать меня.

— Это ведь из-за Шейна, да?

Я кивнула, и слёзы с новой силой полились из моих глаз. Я хотела спросить его, как он догадался, но слова застряли в горле. К счастью, мне не пришлось ничего говорить.

— Я не слепой, — произнёс отец. — Признаю, мне потребовалось некоторое время, чтобы разобраться в ваших отношениях, но в конце концов я догадался, что пока он жил здесь, вы встречались.

— Прости, — прошептала я.

— Вы взрослые люди. После отъезда Шейн звонил матери, иногда с ним разговаривал и я. Даже после нашего развода с Джоанной он всё ещё звонил и заезжал в гости, когда был неподалёку. Я видел, как сильно он тебя любит. Это лучшее, что только может пожелать отец для своей дочери. Некоторые могли бы посчитать это чем-то недопустимым, ведь он как-никак был твоим сводным братом, а мне почти что сыном. Но он не мой сын и никогда им не был.

Отец протянул мне платок, и я вытерла слёзы. Каким-то образом, просто слушая, как папа отзывается о нём, я почувствовала себя лучше. Мне нужно поговорить с Шейном о прошлой ночи. Многое показалось очень странным, и мне нужно всё прояснить.

— Розали, я знаю тебя. Знаю, что у тебя голова идёт кругом. Чем больше ты думаешь, тем больше запутываешься в собственных выводах. Мы с Шейном много разговаривали последние несколько лет. И поверь, когда испытываешь сильные чувства к кому-то, как ты сейчас, лучше не терять время впустую. Жизнь слишком коротка, дорогая. Поговори с ним.

Взяв папину машину, я поехала на другой конец города к Джоанне. Я не знала, сможем ли мы с Шейном нормально пообщаться, или же он пошлёт меня к чертям, едва увидев на пороге, но, в любом случае, я должна была поговорить с ним. За последнее время накопилось слишком много вопросов, на которые у меня не было ответов.

Я нажала на звонок, и из глубины дома донёлся его голос. Странно, что после всего случившегося я была настолько взволнована. И нервно постукивая ногой, ждала, когда же откроется дверь. Как только я увидела выходящего из дома Шейна, моё сердце подпрыгнуло в груди.

Он был в облегающей футболке и тёмных джинсах. С прошлого раза волосы ещё больше растрепались. И без очков он безумно напоминал парня, в которого я влюбилась в школе.

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — удивился он.

— Нам нужно поговорить.

— Именно это я и хотел сделать вчера.

— Серьёзно? Тогда извини. Я зайду?

— Мне бы не очень хотелось разговаривать здесь. За мной всё ещё числится номер в отеле. Может, поедem туда?

Я кивнула.

— Давай.

Отель казался гораздо большим, чем я его запомнила, и в нём было куда больше людей, чем в те субботние вечера, когда мы бывали здесь с Шейном раньше. Как оказалось, на этой неделе проходил какой-то съезд, и поэтому практически все номера были заняты.

Как только мы зашли в лифт, сразу же вслед за нами втиснулась большая группа туристов с камерами в руках, подталкивая нас с Шейном ближе друг к другу.

— Если бы я не знала, что здесь происходит, то подумала бы, что ты специально всё это подстроил, — с досадой пробормотала я.

Он ничего не ответил, просто улыбнулся. Незаметно для других его пальцы осторожно коснулись моей ладони и обхватили её. Я бросила на парня вопросительный взгляд, но он так и не повернулся. Когда лифт остановился на нашем этаже, Шейн сильнее сжал мою руку и начал проталкиваться через толпу к выходу.

Мы держались за руки до самого номера. Никто из нас не проронил ни слова, но я не могла сдержаться, чувствуя, как возвращается прошлая я, та самая, что была пять лет назад, когда мы оказались здесь в первый раз. Меня невероятно возбуждала сама мысль провести с Шейном несколько минут наедине, даже просто разговаривая. Только сейчас я начала осознавать, как сильно соскучилась по нему, и как много он до сих пор для меня значит.

Войдя в номер, я сняла туфли и села на кровать, скрестив ноги так же, как делала это раньше. Шейн открыл мини-бар и вытащил те самые стаканчики мороженого «Бен & Джерри».

— Я оставил их здесь перед тем, как поехать в аэропорт, — пояснил он. — Совсем не думал, что ты так расстроишься. Не хочешь мне объяснить, что произошло?

— Я вела себя как идиотка. Совершенно не хотела тебя слушать. И в итоге сорвалась.

— Можно поподробнее? — Он протянул мне ложку мороженого.

— Помнишь, что я сказала тебе в последнюю нашу ночь здесь?

— Конечно. Ты сказала, что у тебя появился другой. Я помню это так чётко, словно это было вчера. Нахожусь я здесь сейчас с тобой, и мне кажется, что так оно всегда и было.

— Именно поэтому я заплакала. Встреча с тобой в аэропорту... то, как ты поцеловал меня, даже если этот поцелуй ничего не значил, а затем ты повёз меня туда, где всё закончилось... Когда ты сказал, что у тебя есть девушка...

— Это ты сказала, что у меня есть девушка.

— И что? Разве ты не собирался мне о ней рассказать?

— Я не уверен, что это важно. К тому же, с твоих слов, ты тоже не была одна, ведь бросила меня, потому что встретила другого.

— Я солгала, — прошептала я. — Обманула тебя, о чём до сих пор сожалею.

— Тогда зачем ты вообще это сказала? Можешь хоть представить, как твоя ложь изменила мою жизнь? — Он отвернулся и подошёл к окну, наблюдая за тем, что происходит снаружи.

— Дело не только в тебе. Я считала, что без меня тебе станет лучше, даже несмотря на то, что для этого мне придётся пожертвовать своими чувствами. Я думала, что, если перестану удерживать тебя, ты сможешь жить лучшей жизнью. Так ведь и вышло. Ты поступил в колледж, стал учителем...

— И встретил другую.

В этот момент в кармане Шейна зазвонил телефон. Вытащив его, он на секунду озадаченно посмотрел на высветившееся на экране имя, а затем, помедлив, ответил.

— Изабель? Что такое? — поинтересовался парень.

Да эта сучка, похоже, прямо чувствует, когда надо позвонить!

— Нет, я не у матери. Я в «Хаятте⁶», — ответил он.

Разговаривая с Изабель, Шейн снова посмотрел на меня. Каждая секунда, которую он общался с ней по телефону, ранила меня всё сильнее. Ну почему он так на меня смотрит? Это был тот самый раздевающий взгляд, и осознание этого сжимало каждую частичку моего сердца так, что я не могла дышать.

— Да, всё так, — кивнул он. — Я уже говорил тебе о своих чувствах. Ты ведь понимаешь, что это неправильно, не заставляй меня повторять это снова. Хотя ладно, если тебе от этого станет легче. Я люблю...

Я больше не могла этого выносить. И уж точно не собиралась сидеть тут и выслушивать, как парень, которого я так хотела, признается в любви другой девушке. Схватив свои туфли, я выбежала из номера и направилась по коридору прямо к лифту.

Нажав на кнопку, я увидела, что Шейн приближается ко мне. Я продолжила жать на кнопку, моля, чтобы двери лифта поскорее открылись, и я смогла сбежать отсюда.

— Ты не можешь так просто взять и уйти, — остановил меня он.

— Могу. Именно это я сейчас и делаю. Что ещё ты от меня хочешь? Думаешь, если ты весь такой из себя охренительный, то я буду сидеть там и слушать, как ты признаешься в любви своей девушке?

— Я сказал ей не это, и она больше не моя девушка.

— Зачем ты лжёшь? Я всё слышала.

— По-моему, это не моя, а твоя прерогатива, помнишь? Давай вернёмся.

Он схватил меня за руку и потянул обратно в номер. Поскольку я не могла с ним справиться, мне оставалось только кинуть в него туфлей. Описав короткую дугу, она прилетела прямо ему в затылок.

Измученно приоткрыв рот, парень повернулся ко мне и захохотал.

— Кажется, ты кинула в меня туфлей. Или скажешь, что это сделал кто-то другой? — насмешливо поинтересовался он. — Ну всё, у тебя сейчас будут неприятности.

Подняв меня на руки и закинув на плечо, Шейн бросил мою туфлю в сторону нашего номера. Пока он нёс меня по коридору, я неустанно била его оставшейся у меня туфлей, но его это не волновало. Хотя было здорово поколотить его пару раз.

⁶ Гостиничная сеть «Хаятт» (англ. Hyatt Hotels Corporation) — американская компания, управляющая сетями отелей высшего класса. Штаб-квартира — в Чикаго. Основана в 1957 году братьями Джейм Прицкером (1922-1999) и Дональдом Прицкером (1932-1972).

Кинув меня на кровать, Шейн выхватил импровизированное оружие из моей руки. Я не сопротивлялась и не пыталась выбраться, зная, что это бесполезно, пока он сидит надо мной, удерживая меня за запястья.

— Дай мне наконец-таки сказать, — настойчиво произнёс он. — Где справедливость, чем я вообще заслужил эту глупую ревность? Разве не ты порвала со мной тогда?

— Я знаю, что виновата. Знаю, что веду себя, как ненормальная, но я ничего не могу с собой поделать. Похоже, со мной и правда что-то не так.

— Не думай, что ты одна такая. Ты вообще представляешь, как долго я пытался тебя забыть? Сколько времени прошло, прежде чем я снова смог двигаться дальше?

— Не представляю, но, очевидно, спустя некоторое время тебе всё же удалось это сделать.

— Ошибаешься. Не было ни дня, чтобы я не думал о тебе. Похоже, пришло время рассказать тебе об Изабель. Так вот. Она была слишком похожа на тебя. С такой же фамилией и похожей внешностью, даже хобби у неё такое же. В то время для меня это казалось лучшим вариантом, ведь я сходил по тебе с ума, но всё это было не то. Несмотря на некоторую схожесть с ней, вы абсолютно разные.

— Вообще-то, ты говорил, что собираешься на ней жениться.

— Нет, я сказал, что сделал ей предложение, и то лишь потому, что в тот момент был безумно зол. Я был так подавлен из-за того, что провёл столько лет вдали от тебя. Изабель отказала мне, потому что знала, что, встречаясь с ней, я всё ещё люблю тебя. И несмотря на то, что я пытался себя убедить, будто всё это неправда, ночью в аэропорту я понял, что она была права.

— Что за херню ты несёшь! — сердито бросила я. — А что насчёт того телефонного разговора?

Шейн устало вздохнул.

— Изабель тяжело приняла новость о расставании. Я не хотел бросать её по телефону, но больше не хотел и напрасно терять время, находясь вдали от тебя, поэтому должен был сказать ей всё как есть. Если бы ты не заехала, я бы сам вышел с тобой на связь.

— Но я слышала твои слова! Слышала, как ты сказал по телефону, что любишь её.

— Ты ушла слишком рано. Изабель лишь хотела услышать, что я и правда люблю только *тебя*, Розали. Она сказала, что, если бы она смогла снова услышать эти слова, ей стало бы значительно легче, потому что это значит, что проблема не в ней. — Он покачал головой. — Я не могу этого объяснить. Она не хотела выходить за меня замуж, но ей тяжело далось наше расставание. Тем не менее, несмотря ни на что, с тех самых пор, как впервые тебя увидел, принцесса, я люблю и всегда любил только тебя, Розали.

Моё сердце растаяло от его слов.

— Я тоже тебя люблю.

Я нежно притянула Шейна к себе, и он поцеловал меня. В моей груди неистово колотилось сердце, а когда он дотрагивался до меня, по коже пробегали мурашки. Не важно, как давно это было в последний раз, моё тело узнавало каждое прикосновение Шейна и требовало всё больше и больше.

Спустя два дня мы ужинали вместе с нашими родителями. Мы с Шейном сидели по одну сторону, а отец с Джоанной напротив нас по другую, прямо как в тот первый наш ужин, когда мы узнали, что наши родители поженились.

Когда все закончили с едой, папа подсел ко мне и коснулся моей руки.

— Когда собираешься обратно в Калифорнию? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила я. — У Шейна ещё есть дела в Вирджинии, а потом он уедет со мной.

— Да это замечательные новости! — воскликнул отец. — И чем же ты собираешься там заниматься, Шейн?

— Я ещё никому не говорил об этом, но во время учёбы в колледже я познакомился с Дмитрием Никитиным, моим кумиром. Мы поддерживаем связь на протяжении нескольких лет, и вот через пару месяцев он открывает новую галерею и предлагает мне представить серию картин, над которыми я сейчас работаю.

— У тебя есть целая серия? Это невероятно! — восхитилась я.

— На самом деле они стали катализатором нашего разрыва с Изабель, так как эта серия была о наших с тобой отношениях, Розали. Можешь ли ты представить, как сильно я их ненавидел? — Шейн засмеялся. — Я всё никак не мог их закончить, потому что где-то глубоко внутри знал, что в наших с тобой отношениях тоже ещё не поставлена точка.

— Когда мне можно будет на них взглянуть?

— Скоро. Я хочу, чтобы ты увидела всю серию сразу. Для завершения мне не хватало всего одной картины, но что бы я ни пробовал нарисовать, мне всегда казалось, что это что-то не то. Однако мы снова стали парой, и в первую же ночь я осознал, что настал черёд и этой работы.

Рука Шейна скользнула по моим плечам, и он прижал меня к себе.

— Как же я рада видеть вас счастливыми, — умиротворённо вздохнула Джоанна.

Переглянувшись с Шейном, мы улыбнулись.

Когда Шейн снова вернулся ко мне, моя жизнь из сна превратилась в реальность. Мы всё делали вместе, и у меня складывалось впечатление, словно мы никогда и не расставались.

Каждый день я работала над своей книгой. А Шейн продолжал готовиться к выставке, заняв свободную спальню своими принадлежностями для рисования. Он всё так же усердно работал над последней картиной серии, но отказывался показывать хотя бы одну из них, ссылаясь на то, что выставка в галерее будет уже скоро, и осталось ждать не так уж и долго.

Чем меньше времени оставалось до открытия, тем более нетерпеливой я становилась. И нетерпение это пожирало меня настолько, что я на время отбросила написание книги — так мне хотелось увидеть, над чем же работает Шейн. Чтобы хоть как-то отвлечься от томящего ожидания, я взяла телефон и набрала Ноэль.

— Привет, это Розали.

— О, узнаю этот голос. Ну, рассказывай, от чего теперь мне придётся тебя отговаривать, чтобы предотвратить последствия твоих безумных поступков.

Я засмеялась.

— Не в этот раз. Просто мне нужно было отвлечься, поэтому я решила позвонить тебе.

— Без проблем, как твои дела? Как там у тебя обстоит с твоим сводным сексуальным братом-плохишом Шейном?

— Не завидуй.

— Ну как тут удержаться? — рассмеялась Ноэль. — Кажется, будто только вчера ты пряталась от него в коридорах школы.

— Ты совсем мне не помогаешь. Теперь мне снова кажется, что я преследую его повсюду, — улыбнулась я. — Отвлеки меня от мыслей о походе в галерею. Я просто умираю от нетерпения, хочу поскорее увидеть его картины и узнать, что же он там рисует. Он совсем не показывает мне их, ссылаясь на то, что его работы пока недостаточно идеальны.

— Ну ты же знаешь, какой он бывает упрямый. Кроме того, похоже, для него это действительно важно. — Ноэль на мгновение замолчала, а потом тяжело вздохнула. — Прости, возможно, я хреновая подруга, но на твоём месте, честное слово, я бы уже давно незаметно пробралась в галерею и всё там посмотрела.

— Серьёзно? Шейн упаковал все картины и отправил в галерею. И сам проводит там последние несколько дней. Может, стоит удивить его?

— Ну и чего ты ждёшь? Поторопись, и, конечно же, не забудь потом обо всём рассказать мне. В мельчайших подробностях.

— Я позвоню тебе завтра, — выбегая из комнаты, сказала я.

Картинная галерея находилась на главной улице городка Лагуна-Бич, всего лишь в квартале от океана.

Возле входа располагались большие окна, и я попыталась рассмотреть, что происходит внутри, и нет ли поблизости Шейна, но увидела лишь коробки и ящики. Как только я вошла, зазвенел колокольчик, и ко мне тут же подошёл крупный седовласый остроносый мужчина, пронзивший меня внимательным взглядом чёрных глаз. Со слов Шейна я знала, что это Дмитрий Никитин — его кумир, а по совместительству художник и владелец этой галереи.

— Если ты здесь, значит, пришла работать, — сказал он с сильным русским акцентом.

— Не совсем, я пришла посмотреть...

— Посмотришь позже, сначала закончим с работой.

Видя, что Дмитрий совершенно меня не слушает, я направилась за ним, и мы

оказались в небольшом помещении без окон, в котором находилось несколько больших нераспечатанных ящиков. Подобрал стоящий у стены лом, мужчина протянул его мне.

— Знаешь, как этим пользоваться? — поинтересовался он.

— Нет, но, уверена, я разберусь.

— Хорошо, мне нравится твой настрой. — Подсунув лом под верх ящика, он с лёгкостью скovyрнул деревянную крышку. — Открывай и разбирай так все ящики. Уверен, тебе не надо рассказывать, насколько ценно их содержимое.

— Нет, спасибо, я всё поняла.

— Позови, когда закончишь.

Он направился к выходу, но я не собиралась приниматься за работу до тех пор, пока не выясню, есть ли среди этих работ те, что принадлежат Шейну.

— Подождите! А Шейн здесь? — позвала я.

Мужчина прищурился, и его губы растянулись в хитрой улыбке.

— Конечно. И он просил ни под каким предлогом и близко не подпускать тебя к его картинам.

— Подождите, значит, вы с самого начала знали, кто я?

— Безусловно, дорогуша. Я много о тебе слышал, а также видел его картины. — Взгляд Дмитрия приобрёл прежнюю серьёзность. — А теперь за дело. Сначала работа, увидите потом.

Я распаковала все картины и выставила их возле стены в линию в надежде увидеть среди них работы Шейна. Но Дмитрий, похоже, знал о моём любопытстве, поэтому все экспонаты принадлежали другим художникам.

Когда я вышла из кладовки, солнце уже опустилось за горизонт. Похоже, я провела там несколько часов, даже не заметив, как быстро пролетело время.

Чёрт, я забыла про счётчик!

Я стала рыться в сумке в поиске четвертаков для оплаты парковки, надеясь, что мне не успели выписать штраф. С полной рукой мелочи я быстро направилась к выходу, когда на полпути меня остановил Дмитрий.

— Ты ещё не всё сделала, — уклончиво произнёс он.

— Но моя машина...

— О ней позаботятся. Пойдём со мной, принцесса Розали.

Услышав подобное обращение к себе от такого солидного незнакомого мужчины, я не смогла сдержать смех. Он положил свою огромную ладонь мне на плечо и повёл в другую секцию галереи. Через минуту мы оказались у длинных белых штор.

— Теперь можешь насладиться тем, за чем пришла, — произнёс он, раздвигая шторы и давая мне пройти.

Большая белая комната была по спирали уставлена крохотными ароматизированными свечками, наполняющими помещение лёгким цветочным ароматом. В центре комнаты стоял Шейн, за спиной которого находился небольшой занавешенный пьедестал и несколько огромных, освещённых прожектором полотен. Он был одет точь-в-точь, как в тот день, когда встречал меня в аэропорту. Рукава рубашки были подвёрнуты, так что мне была видна красующаяся на его предплечье татуировка в виде розы.

— Как ты всё подстроил? Ты же не мог знать, что я буду здесь. Я и сама-то этого не знала, — не удержалась я.

— Я знаю тебя даже лучше, чем ты сама, Розали. — Он подошёл ко мне, взял меня за руку и повёл в центр спирали. — Знал, что ты не сможешь больше ждать. Твоё появление здесь было лишь вопросом времени.

Шейн ехидно улыбнулся и обхватил меня за талию. Вывешенные друг за дружкой квадратной формы картины освещали прожектора. Последняя работа отсутствовала, но я подумала, что придёт время, и он мне всё объяснит.

— Я мечтал о сегодняшнем дне, — признался Шейн. — Каждая из этих картин описывает определённый этап наших отношений. Некоторые могут подумать, что это

безумие или просто помешательство, но даже когда мы были далеко друг от друга, я думал только о тебе.

Он указал на первую работу. На полотне красовался молодой юноша, который с восхищением смотрел на маленькую принцессу. Шейн откинул с небольшого пьедестала накидку, и я увидела тиару, так сильно похожую на ту, что носила в детстве. Когда он аккуратно возложил её мне на голову, я засмеялась.

— Ты сумасшедший, — улыбнулась я.

— Уверен, ты узнаёшь вторую картину, ведь это роза. Та самая, которую я написал для тебя на твой день рождения, когда ты жила с отцом.

— Ты никогда не говорил, что это подарок и я могу её забрать.

— Потому что не был уверен, что она достаточно хороша для тебя.

— Тебе не стоило так думать. Она прекрасна.

Шейн покачал головой, не соглашаясь с моими словами. Я не стала настаивать, зная, насколько порой он бывает упрям. Совсем скоро он и сам поймёт, как талантлив. Не сомневаюсь, что всем понравятся его работы.

Продолжив изучать картины Шейна, я не смогла сдерживать чувств. Так одна из них изображала две светлые, обнимающие друг друга фигуры на тёмном фоне.

На другой же фон был ядовито-красным, хотя персонажи остались теми же — сказывалось подавленное настроение, в котором находился Шейн во время написания этой картины. Не трудно было догадаться, как он чувствовал себя после нашего расставания. Эти полотна просто дышали мукой. Глядя на них, я снова вспомнила, какую боль принесло и мне, и ему наше расставание. Из-за этого я до сих пор чувствовала себя очень плохо.

Последняя картина представляла собой бурю красок, отчего я ощутила злость и смятение, и так больно стало в груди от осознания того, сколько страданий я ему тогда причинила.

— Прости меня, — прошептала я. — Я никогда не хотела тебя обидеть, даже мысли такой не было.

— Пожалуйста, не грусти. Теперь всё в прошлом, нашем с тобой прошлом, а вся моя боль здесь — в искусстве. Тут ей самое место. И кто знает, может, так и должно было случиться, чтобы сегодня мы находились с тобой именно здесь. — Шейн поцеловал меня в лоб и указал на пустое место на стене.

— А где последняя картина?

— Здесь.

Он взял стоящую возле колонны работу и повесил в освещённый прожектором круг. Последнее полотно было очень похоже на то, что с ядовито-красным фоном, но здесь цвета были теплее, а вместо двух людей были изображены две держащиеся друг за друга руки.

— Я работал над этой серией годами, но понимал, что на этом полотне она не заканчивается. Теперь я знаю, как должна завершиться эта серия, и надеюсь, что это станет началом нашей с тобой совместной жизни.

Отодвинув картину, Шейн попытался опуститься на одно колено, но ему помешали расставленные свечи.

— Что ты делаешь? — улыбнулась я.

— Мне хотелось встать на колено перед моей принцессой, но, очевидно, я не до конца продумал все детали, — с досадной ухмылкой признался он.

Шейн полез в карман и вытащил кольцо. Держа его передо мной, он нежно мне улыбнулся. Это было золотое кольцо в виде цветка, усыпанное бриллиантами. Не знаю почему, но кольцо показалось мне подозрительно знакомым, словно я его уже где-то видела.

— Не знаю, узнаёшь ли ты его, — промолвил Шейн. — Перед тем как мы уехали от твоего отца, я попросил его благословения. Хотел убедиться, что он не будет против.

— То есть ты хотел узнать, не будет ли мой отец против свадьбы между его сыном и дочерью? — шутливо подытожила я.

Шейн засмеялся.

— Что-то типа того. Тогда он и дал мне это кольцо. Когда-то оно принадлежало твоей бабушке, а теперь, надеюсь, будет принадлежать тебе.

Взяв протянутое мне кольцо, я не могла отвести взгляд.

— Вот оно что. Я помню. Она постоянно его носила. В детстве я безумно хотела такое же.

Шейн протянул руку, чтобы забрать кольцо.

— Подожди, я ещё не закончил.

— Тогда тебе стоит поторопиться.

Он засмеялся.

— Всё пошло совсем не так, как я планировал. Я так долго придумывал эту длинную и пламенную речь, а теперь... А, впрочем, да пофиг на неё... Я люблю тебя, Розали.

— И я тебя.

— Ты выйдешь за меня?

— Дай подумать... Хм-м... Да.

— Тебе нужно было время, чтобы подумать?

— Не хочу, чтобы всё было просто.

— Почему нет? Тебе стоит быть проще.

— Разве что только с тобой.

— Отлично, именно так всё и должно было произойти.

Шейн засмеялся и надел мне на палец кольцо. Поймав меня в объятия, он подарил мне поцелуй. Боже, да я уже не могу дождаться, когда же, наконец, начнётся наша семейная жизнь.

Говорят, что первая любовь никогда не забывается. Что ж, Шейн Вентана был моим первым увлечением, любовью и сильной болью. Он был моим первым всем, хотя нет, не *всем*, конечно же, но он точно был моей первой и единственной любовью. С появлением Шейна в моей жизни мне начало казаться, что до этого я и не жила вовсе. А годы разлуки совершенно меня опустошили. Но как бы слащаво и глупо это ни звучало, сейчас, когда Шейн был рядом, я понимала насколько идеально мы дополняем друг друга.

Он стал огромной частью меня, так что я оставила свою старую книгу и начала писать любовный роман. И чем больше я писала, тем сильнее мне хотелось рассказать свою собственную историю любви. В итоге так вышло, что эта книга стала больше похожа на мемуары, чем на вымышленную историю. Хотя, какая разница, ведь только близкие мне люди знали, что всё это произошло на самом деле.

Мой роман привлёк много внимания, и в результате издатель решил отправить нас с Шейном в Нью-Йорк на большую вечеринку в честь успешного выхода моей книги. Всё это походило на сказочный сон, иначе как можно было объяснить то, что они не только сделали из моего небольшого успеха такое событие, но ещё и арендовали зал в одном из люксовых отелей Мидтауна?

Мы с Шейном, конечно же, опаздывали на вечеринку, и, когда таксист газанул на повороте, я упала на Шейна и бросила на него осторожный взгляд. Он улыбнулся.

— Я всегда говорил, что ты станешь знаменитой писательницей, — самодовольно заметил парень.

— Это всего лишь вечеринка. И, вообще, не факт, что найдётся тот, кто захочет прочитать книгу о любви между девушкой и её сводным братом.

— Я бы прочитал. Хотя, что уж говорить, ведь я и так это сделал. Она великолепна. Тебе не о чем волноваться.

— Ты специально так говоришь, — отрезала я.

— Вовсе нет. Зачем мне тебя обманывать?

— Потому что ты мой муж, а мужья всегда поддерживают своих жён.

Шейн поцеловал меня в лоб, и я улыбнулась. Затем он взял меня за руку, и, посмотрев на то, как наши пальцы переплелись между собой, я снова вспомнила последнюю картину из его серии.

Как только такси резко затормозило у входа в отель, Ноэль открыла мне дверь. Крепко прижимая к груди, в руках она держала неизменный планшет с заметками.

— Вы опоздали, — протараторила подруга. — Ты ведь обещала приехать вовремя. Неужели ты хотела обмануть своего ассистента?

— Это всё Шейн, — выходя из машины, хитро улыбнулась я.

— А я-то здесь при чём? — попытался оправдаться парень. — Ты была напряжена, поэтому я решил помочь тебе немного расслабиться.

— Ой, ну ладно вам, ребята. — Ноэль закатила глаза. — Вы можете держать себя в руках хотя бы несколько минут?

— Ты просто завидуешь, — возмутилась я.

— Я *всегда* завидую. И почему, скажите на милость, мне не повезло встретить такого сексуального сводного брата? — засмеялась она. — Не, серьёзно, Шейн, если вдруг устанешь от Розали, ты знаешь, где меня найти.

— Я никогда от неё не устану, — улыбнулся Шейн, и его рука опустилась на мои ягодицы.

— А мой папа здесь? — оглядываясь, поинтересовалась я.

— Ну конечно, — воскликнула Ноэль. — Он ни за что бы не пропустил такое событие. Он, кстати, и Джоанну с собой привёз.

— Неудивительно, — ответил Шейн. — Они почти неразлучны. Я так и не понял, почему они развелись.

— Я тоже, — вздохнула я.

Зал был украшен шариками и огромными карикатурными рисунками с обложки книги. Осмотрев помещение, я сразу же нашла папу среди собравшихся — стоя неподалёку, он помахал мне рукой. С улыбкой я подошла к нему.

— Как всегда опаздываешь, — шутливо поприветствовал меня отец. — А знаешь, ты ведь даже родилась с небольшим опозданием. Это был самый замечательный день в моей жизни. — Отец улыбнулся, на его глазах выступили слёзы. — Я так горжусь тобой, Розали.

— Спасибо, пап. Мне очень дороги твои слова.

Я крепко обняла отца, и мои глаза тоже наполнились слезами. После случившегося с моей матерью я не могла поверить, что мне так сильно повезло иметь такого замечательного родителя. Увидев своего агента Мину, я вытерла слёзы и села за папой.

Мина была типичной американкой с идеальным личиком и фигурой, подчёркнутой ярким, стильным костюмом. Однако подобная внешность оказалась лишь маской, под которой пряталась очень умная и строгая в переговорах девушка.

— Шейн, — приветственно протянула руку Мина. — Очень рада наконец-то с тобой познакомиться. Как ты относишься к тому, что Розали назвала одного из главных героев твоим именем?

— Замечательно. У Розали прекрасное воображение, — со смехом ответил он, окинув меня внимательным взглядом и выразительно вскинув бровь.

— Розали рассказывала, что сейчас ты преуспевающий художник. Это правда? — с любопытством спросила девушка.

— Она преувеличивает, — сдержанно ответил Шейн.

— Вовсе нет, — возразила я. — О тебе писали в журналах, ты получил две награды, а ещё очень многим твоим поклонникам просто не терпится увидеть твои новые работы.

Шейн невозмутимо пожал плечами.

— Сейчас я работаю над новыми картинами и готовлюсь к предстоящей выставке, которая состоится буквально через пару месяцев. Однако не будем сейчас об этом, ведь сегодняшний вечер посвящён вовсе не мне, а Розали.

Шейн обнял меня за талию и стремительно притянул для поцелуя, чтобы шепнуть мне что-то на ухо.

— Как ты себя чувствуешь? Всё ещё тошнит? — шёпотом спросил он.

Я покачала головой, боясь, что нас кто-нибудь услышит.

— Хорошо. Надеюсь, тебя не смутило, что я сказал Ноэль про наше опоздание.

— Всё в порядке, это было даже немного забавно, — ответила я. — К тому же я пока ещё не готова рассказать всем. Хочу, чтобы первым узнал отец.

— Тяжело держать такое в тайне.

— Мне тоже. Ты же знаешь, я не умею хранить секреты. Мне хотелось бы рассказать об этом папе лично, но не здесь, не в центре всей этой шумихи. Может, поделимся с ним и твоей матерью новостями сегодня вечером, за ужином?

— Ты будешь просто замечательной мамой, — прошептал Шейн, ещё крепче прижимая меня к себе.

— Тсс, ты слишком много болтаешь.

Шейн снова поцеловал меня в губы, и мы обменялись улыбками. Честно говоря, я не могла перестать улыбаться, даже если бы попыталась. Скоро мы станем семьёй, а сейчас находимся на пороге новой, счастливой жизни. Я посмотрела на выставочный стол, на котором красовалась моя книга. Это была моя история, написанная нашими сердцами. И не важно, произошла она на самом деле или это всего лишь плод моего воображения, ведь в конце говорится: и жили они долго и счастливо.

КОНЕЦ

**Читайте другие любовные романы
в переводе группы [Translation for you](#).**

Об авторе

Вероника Дэй не может представить более интересного для себя занятия, чем написание книг. За исключением, пожалуй, чтения, общения с семьёй, разговоров о себе в третьем лице или... ой, вы только посмотрите на эту бабочку!

Официальный сайт автора: <http://veronicadaye.com>.